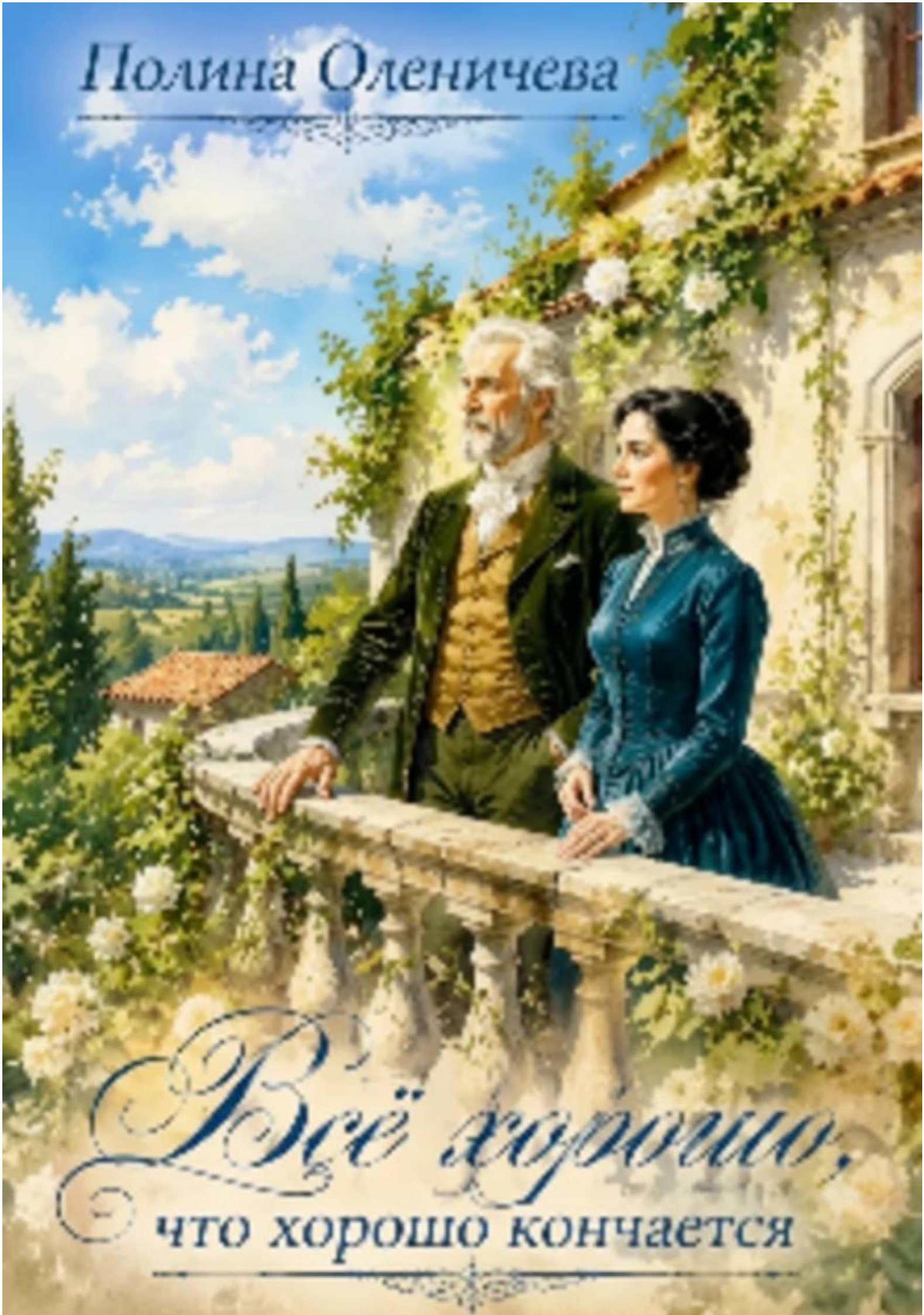
Полина Оленичева

Всё хорошо, что хорошо кончается

Полина Оленичева

Всё хорошо, что хорошо кончается

«Автор»
2025

Оленичева П.

Всё хорошо, что хорошо кончается / П. Оленичева — «Автор», 2025

После стычки с суровым отчимом шестнадцатилетний подросток в гневе бросает: «Вот бы хоть раз брат оказался на моём месте!»Народная мудрость гласит: бойтесь своих желаний...

© Оленичева П., 2025
© Автор, 2025

Содержание

Первое впечатление 5
Не так страшен чёрт… 9
Новая жизнь 15
На пути к знаниям 21
Уроки ответственности 33
Друзья? - Суженые! 39
П 42
Конец ознакомительного фрагмента. 43

Полина Оленичева
Всё хорошо, что хорошо кончается

Первое впечатление

Перед зеркалом стоял долговязый нескладный подросток лет семнадцати и критически себя рассматривал. Его внимание было приковано к носу — самой выдающейся черте лица. Парень медленно повернул голову из стороны в сторону, сделавшись похожим на сердитого ворона, затем собрал длинные (до плеч) тёмные волосы в высокий хвост и, не удовлетворившись результатом, снова разлохматил их.

— Бесполезно, — цыкнул он на своё отражение и, с презрением глянув на него в последний раз, отвернулся. — Ни кожи, ни рожи. Да ещё и имечко дали — Нозэр — словно в насмешку… А ведь не сказать, что у родоков фантазии нет: малóго же нарекли длинно и красиво — Салливаном. Правда, зовут всё равно «Салли», как девчонку. Ну и поделом: он только бабскими делами и занят — уборкой да готовкой, скоро глядишь, матушка его вышивать посадит али кудель прясть. Ну нельзя же таким бесхребетным быть! Не дали боги дара, так займись мужским делом — охотой или в кузне помоги… Хотя о чём это я — он же у нас любимчик…

Обиженное ворчание было прервано грубым окриком снизу, похоже из кухни:

— Эй, ты, спускайся! — орал Тогги (отчим). — Хорош, что девка, у зеркала вертеться — краше не станешь!

«*Ну вот как он узнал?! Ведь бездарь же…* - этим словом маги презрительно именовали не одарённых силой - *или нет?.. Дело ясное, что дело тёмное, но идти надо, а то поднимется — и расправы не избежать: плавали, знаем…*»

Сделав глубокий вдох, как перед погружением, Нозэр покинул свою комнату и, ссыпавшись по лестнице, застыл в дверях.

— Подойди, — рыкнул в его сторону глава семейства. Парень сделал шаг. — Ближе, — ещё шаг. — Ещё ближе, — насупился Тогги, кожевенных дел мастер, чьи лапищи по силе соперничали с руками кузнеца. — Не ссы, бить не буду. Пока.

Нозэр горько усмехнулся: хорошенькое уточнение, честное. Однако подошёл, куда деваться.

— Ты это, возьми список — Салли составил — да на рынок сгоняй. Да, смотри, не загуливайся! Сам знаешь, что будет, — добавил бугай ткнув под нос пасынку пудовый кулачище.

Нозэр молча взял аккуратно сложенный листок с ровным округлым (девчачьим) почерком брата и, вздохнув, подхватил корзинку. Деньги он возьмёт в секретере, притулившемся в тёмном углу гостинной.

— Эй, — окликнул его «ответственный» взрослый. — А сказать что надо?!

— Да, сэр. Слушаюсь, сэр, — отчеканил, обернувшись, подросток.

Потом, от греха подальше, скоренько вымелся из кухни и, сорвав с гвоздя куртку, что была велика ему размера на два, шагнул за порог, с чувством приложив дверью об косяк.

Погода была прекрасная: ярко светило солнце, на небе — ни облачка, самое то для прогулки. Всё портил прохладный ветерок — пришлось прибавить шагу…

— Ну, почему мать не бросит этого гада?! — возмущался себе под нос Нозэр. — Сколько раз предлагал: давай сбежим, ну, хоть в самую дальнюю деревушку на границе, — вряд ли этот искать станет, так нет же — мелкому будет плохо: он же не одарённый… А то, что сейчас страдаем мы — это пустяки!.. Вот бы малóму хоть раз побывать на моём месте, враз бы понял, что из себя его папочка представляет! А то только и слышно: «папа то, да папа сё»… Любимчик хренов…

Побродив по городу до полудня, он всё же купил продукты по списку и направился домой.

Шагнув на порог, юноша поразился тишине: не журчал нигде голос брательника, не шумела в кухне вода, не гремели кастрюли… Дом будто вымер.

На диване в гостиной дрых, похрапывая, Тоггиан Кринж. Одна его рука расслабленно свешивалась с узкого одра, а под пальцами на полу лежал ремень. Нозэр похолодел. Аккуратно вытащив из под руки отчима сие орудие пыток, парень ужаснулся: тот был весь заскорузлый от крови…

Первая мысль была о матери, и юноша со всех ног кинулся на кухню, откуда слышалось тихое поскуливание…

Прибежав на место он с трудом нашёл источник звука: Марлин сидела на полу, спрятавшись за стол; по щекам текли слёзы, губы лихорадочно двигались, а ладони были крепко сжаты в кулаки… Юный Кринж присел рядом, осмотрел её лицо и руки и с облегчением выдохнул — они были чистыми, ни единого следа наказания… Тогда откуда… О, нет! Нет-нет-нет… НЕТ!!!

Он крепко сжал плечи матери и слегка встряхнул её:

— Матушка, где Салли?

Поток слёз увеличился, бормотание стало чуть громче, а в воздухе запахло озоном от сдерживаемой силы:

— Он убил его… Он его убил… Виновата… Не уберегла… Испугалась… Сила… — И снова безмолвные рыдания.

Понемногу до Нозэра стало доходить, что высказанное в сердцах желание сбылось самым что ни на есть ужасным образом. Но что конкретно произошло? Вербально мать сейчас общаться не способна, но вот ментально…

— Мама, я не понимаю, что случилось. Посмотрите на меня…

Глаза женщины широко распахнулись, и юноша провалился в их тёмные, совсем как у него самого, омуты.

«Яркий солнечный день. Салли, закончив все дела, присел за стол к матери — перед обедом они всегда изучали историю и теорию магии. Но сегодня, кроме книг, на столе лежал магический концентратор Марлин — ажурный золотой браслет, петлёй опоясывавший средний палец — единственное напоминание о «благородном» происхождении матери. Малой будто продолжал начатый спор:

— Ну, мам, ну пожалуйста! Я очень хочу попробовать — вдруг получится! В конце концов, мне скоро четырнадцать — малое совершеннолетие. Давай проверим — вдруг она проснётся, а? Я так устал от презрения в глазах Зэра… так хочется, чтоб и он мной гордился… Обещаю: если ничего не получится, я смирюсь и не буду больше просить… Пожалуйста… Только разок…

Тяжёлый вздох матери и неуверенный кивок:

— Хорошо, милый. Попробуй — но только один раз!

Неугомонный братец подлетел и радостно чмокнул женщину в щёку:

— Спасибо-спасибо-спасибо! — схватил проводник и, напялив на руку, взмахнул кистью…

С пальцев посыпались яркие сине-зелёные искры…

— Ух ты! — восхитился он. — А если так?.. — Малец вскинул «окольцованную» конечность над головой и сделал круговое движение.

Стены заблестели чистотой, все поверхности обновились, каменный пол приобрёл зеркальный блеск.

Из гостиной послышались тяжёлые шаги, а через минуту в дверях стоял злющий Тоггиан.

Салли, натурально светясь от радости, начал делиться с ним своими успехами.

(«*Наивный*», — где-то на периферии сознания отметил Нозэр):

— Папа, смотри, что я могу! Я теперь тоже маг, как Зэр и мама!

Юноша посмотрел в глаза отчима — в них полыхал огонь преисподней.

Тогги медленно подошёл к мелкому и, вместо того, чтобы порадоваться за сына, обнять и взлохматить его шевелюру, как обычно, он схватил мальчонку за ухо. А когда тот от неожиданности и боли вскрикнул, зашипел:

— Больно?! — Ухо было сжато сильнее и выкручено до предела. — Ты и понятия не имеешь, что такое «боль»! Ну, ничего, я тебе сейчас покажу! Тоже мне — одарённый выискался! Всю дурь из тебя выбью!!!

Кринж-старший вылетел из кухни чёрным смерчем, таща за собой на буксире горько плакавшего Салли. Мать съехала по стенке на пол и, закрыв лицо руками, стала раскачиваться в трансе.

Но на этом всё не закончилось: наверху хлопнула дверь, и слух резанул свист ремня, рык вконец озверевшего Тоггиана и крик боли ни в чём не повинного ребёнка».

* * *

Отдышавшись после просмотра столь эмоционально-насыщенного воспоминания, Нозэр обнял мать за плечи и отвёл её в свою комнату: пусть поспит там, где ничего не напоминает об этом чудовище. Заглянув в тумбочку и порывшись в немногочисленных вещах, он вытащил на свет крохотный флакончик со снотворным, так вовремя прихваченным с урока (профессор Гринхарт разрешала брать «для своих нужд» удачные образцы). Несмотря ни на что, матери сейчас нужен крепкий сон, а не всплеск вырвавшейся из-под контроля силы, что уже искрила на кончиках пальцев и в волосах.

Напоив Марлин лечебным составом, подоткнув ей одеяло и поцеловав в лоб, Нозэр тихонько выскользнул за дверь и, немного постояв, на негнущихся ногах направился к брату, понятия не имея, что там увидит…

Толкнув дверь, он сделал шаг внутрь. То, что там творилось, не поддавалось описанию: воздух был напоён металлическим запахом подсыхающей крови, а на кровати лежал… нет, скорее, валялся иссечённый вдоль и поперёк, ребёнок. Назвать подростком этого тщедушного мальца язык не поворачивался.

Сдержанность Нозэра дала трещину, сила вырвалась из-под контроля и ударила в окна и стены. Стёкла обижено звякнули, но уцелели, а вот со стен слетела половина рисунков Салли.

«За что?!»— билось в мозгу Нозэра. И этого малыша он ненавидел и презирал за то, что ему доставалось больше ласки от матери и вся любовь отца?! Как же ему хотелось вернуться в это утро и зашить себе рот, чтобы не высказать пожелания, что так буквально исполнилось… Ведь это он обычно лежит с располосованной спиной, а мать с братом промывают и смазывают ему раны… Милый, добрый мальчишка… Как же тебя угораздило?!

Сделав ещё пару шагов, Нозэр присел на стул у изголовья кровати и Салли, вздрогнув, открыл глаза. Увидев перед собой брата он подобрал ноги под себя и с усилием сел.

Обиженно всхлипнув и совсем по-детски утерев нос кулаком, он с непониманием спросил:

— Зэр… за что он так?.. Я же ничего плохого… просто хотел быть как ты… Ты же тоже можешь…

Нозэр горько усмехнулся:

— Да, братец: твоя мечта сбылась, — и уже более серьёзно предупредил: — Ложись на живот и не смей вставать! Я — за лекарством

Не так страшен чёрт…

Всю свою сознательную жизнь Нозэр слышал, что его прадед — самодур, придерживающийся отживших традиций. Однако выбора у юноши не было — не втягивать же в семейные дрязги посторонних. К тому же, неизвестно, что те потребуют за свою помощь. Горькую истину, что никто из его знакомых благотворительностью не занимается, он усвоил ещё на первом курсе. Служить роду хотя бы почётно. Поэтому, обработав брату пострадавшую спину (а так же руки и ноги, тоже «отведавшие ласки» папаши), юный Кринж присел за стол и стал сочинять послание.

* * *

А в это время…

В столице Анжелии в сумерках кабинета Королевской клиники сидел мрачный старик.

Да, сейчас этот вседа собранный мужчина и внимательный лекарь выглядел на свой реальный возраст. Густая седая грива, уложенная таким образом, чтобы отвлекать внимание от его хищного профиля, давно растрепалась, а спина, не гнувшаяся и в присутствии короля, ссутулилась.

Освальд Штольц думал.

Вот уже более века он стоит во главе рода, а передать бразды всё ещё некому: сына поглотила последняя война, а внучка Марлин — его надежда и отрада — сбежала из дому, как только на горизонте замаячил выгодный союз. Глупая девчонка! Любовь ей подавай!..

А что она, любовь-то? Может, накормит в голод или оденет в холод? Где вот её искать?

Правда лет пять назад в Приграничный Институт Магии (как же пафосно звучит это, пусть и неофициальное, название школы-интерната, построенной на стыке границ трёх государств) поступил паренёк, Нозэр Кринж, с ярко выраженным лекарским даром — испытания тогда даже приостановить пришлось: артефакт никак не успокаивался. Версен, тот самый директор, его знакомый, посмеивался: мол и внешностью, и характером мальчишка — вылитый Штольц... А эта гордячка ни на свадьбу, ни на крестины наследника не позвала — позорище.

Освальд Штольц с усилием потёр грудину. Сердце… сколько оно ещё проработает? Сегодня утром чуть к богам не отправился — хорошо, один был, никого не напугал.

Череду безрадостных мыслей разбил дробный стук в окно.

— Вестник? — удивился старый лекарь. — Причём незнакомый… Интересно. Ну, лети сюда, пичуга: посмотрим, что ты мне принесла.

На плотном и достаточно пухлом конверте убористым узким почерком было написано: «*Мессиру Освальду Штольцу от Нозера Кринжа*». Лёгок на помине.

Бросив послание на стол, Штольц угостил труженика печеньем, опустил положенную плату в примотанный к лапке мешочек и выпустил в окно. Вернувшись в кресло, он одним движением вскрыл конверт и погрузился в чтение.

«*Уважаемый мессир Штольц*», — начиналось послание.

«*Пишет Вам Нозэр Кринж — студент шестого курса Приграничного Института Магии и Ваш правнук (по женской линии)*»…

А парень-то не промах: — подумалось Освальду — и положение своё, и родство (очень аккуратно) указал. Посмотрим, чего хочет…

В глаза бросилось, что юноша совсем не владеет искуством деловой переписки («*Марлин что, совсем парнем не занимается?!*»), но главная мысль — готовность служить роду своими талантами — красной нитью шла через всё письмо.

Пробежавшись глазами по «сопроводительной документации» — табелям успеваемости за все годы обучения и похвальным листам от преподавателей — мессир Штольц приступил к главному: поводу написания послания (точнее, просьбам или требованиям).

На удивление, их не было. Присутствовало только сухое описание сложившейся ситуации. От прочитанного у бывалого лекаря зашевелились волосы: парень, уверенно зовущий себя приблудышем и ублюдком (тест на родство, проведённый «родителем» подтверждал этот печальный статус) написал ему из-за младшего брата, которого до полусмерти избил собственный отец…

Сердце вновь кольнуло.

Ладно, с внучкой и её отсутствующим моральным обликом он разберётся позже. Сейчас надо вытаскивать её и наследников из лап этого самодура. Рука сама потянулась к перу.

***

Уже следующим утром Нозэр держал в руках ответ. Сказать, что он был удивлён такой быстрой реакции — всё равно, что стыдливо промолчать. Когда же юноша его прочёл, то ещё с четверть часа бегал глазами по строчкам с убористым почерком, боясь, что ему померещилось.

Без куртуазных обращений и разговоров «о погоде» мессир повелевал: немедленно хватать мать и брата и перемещаться в Королевскую клинику. Для этого достаточно слегка надорвать письмо и произнести «кабинет Штольца, Главного Лекаря». Никаких чемоданов.

Нозэр был весьма благодарен за предложение, ведь ночью у Салли началась лихорадка, и в сознание он больше не приходил…

* * *

Тоггиан так и валялся на диване в отключке, и Нозэр очень надеялся, что им удастся исчезнуть до того, как этот придёт в себя.

Зайдя к себе в комнату, он аккуратно разбудил мать, постаревшую от горя лет на десять и, велев держаться побиже к нему, повёл в «детскую».

Запах крови за сутки выветрился, а испорченное бельё Нозэр связал в узел и выбросил на помойку, не беспокоясь, что его найдут. В любом случае их здесь уже к обеду не будет, а Тогги наконец ответит за содеянное.

Подхватив лёгкого, словно пёрышко, бессознательного Салли на руки и кивком указав матери держаться за его пиджак, он надорвал уголок письма.

* * *

В просторном кабинете их встретил целый консилиум: кроме мессира, там находилось не менее десятка лекарей и младший медперсонал. Нозэр покрепче перехватил мать под локоток, не позволяя той ни упасть в обморок, ни удариться в истерику.

Повинуясь молчаливому знаку хозяина кабинета у юноши осторожно забрали завёрнутого в одеяло брата и куда-то унесли. Одновременно с этим к Марлин подошла дородная медсестра с добрыми глазами. Обняв за плечи и нашёптывая что-то на ухо, она попыталась увести и её. Нозэр крепко прижал к себе руку матери: если Салли нуждался в экстренной помощи (жар так и не спал), то её он хотел видеть и ощущать рядом. Всё же на чужой территории ему было не комфортно.

— Отпусти, — нахмурился Освальд. — Марлин всё ещё не отошла от шока, а ты, как будущий лекарь, должен понимать, чем это чревато. Нам же с тобой предстоит серьёзный разговор, после которого я сам отведу тебя к ним в палату.

— Их разместят вместе? — недоверчиво переспросил юноша.

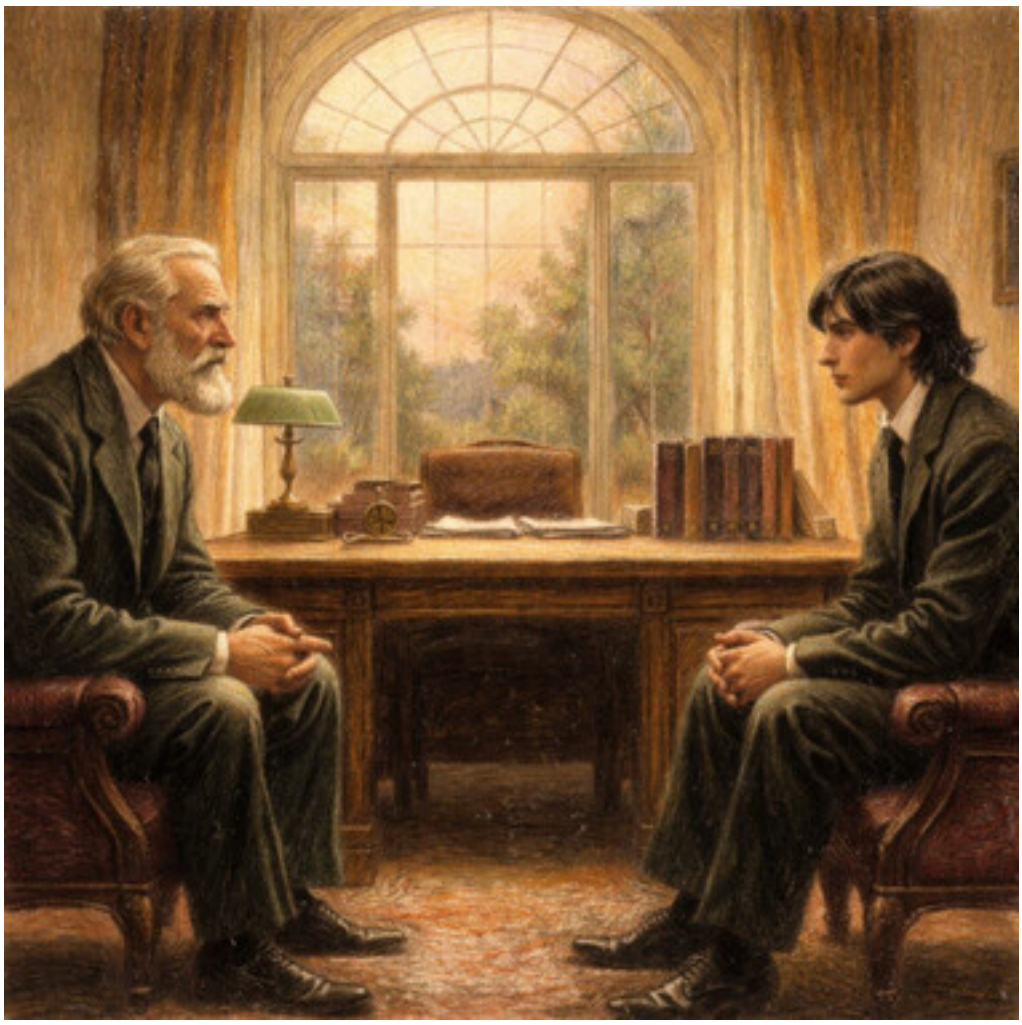
— Естественно, — ответил Штольц. — Во-первых, они — мать и сын, а во-вторых, оба пережили непростую ситуацию, поэтому наличие родного человека рядом подействует лучше всякого успокоительного.

Юный Кринж, конечно же понимал правоту деда и с тяжёлым сердцем препоручил мать заботам медсестры.

В комнате остались только Освальд Штольц и его предполагаемый наследник.

— Себя как в зеркале я вижу, — усмехнулся мессир, — в «молодильном»… Садись, внук, рассказывай, как вы дошли до жизни такой и почему вспомнили обо мне, только когда припекло.

Нозэр, приняв приглашение, но не совсем понимая вопрос, принялся «пересказывать» содержание письма, но видя как мессир начинает хмуриться, затем мощиться постепенно замолчал.

— Ты вот что мне скажи, — вздохнул Освальд, — откуда тест на родство? Чья идея была?

Парень вздохнул и процедил:

— Идея мамина. Тогги ей всё пенял, что я на него ни капли не похож, вот она и крикнула в сердцах… А тот, не будь дурак, сделал. Скандал был знатный, после него мать вообще тише воды ниже травы стала — ни слова, ни полслова поперёк мужу не говорила — и всё равно виноватой оказывалась. Ну, и я тоже — отчим после «проверки» меня иначе как ублюдком и не называл. Когда Салли появился, стало полегче — его Тоггиан любил. Возможно, свою роль сыграл факт, что Салливан до вчерашнего дня считался неодарённым как и отец. А стоило силе проснуться — и вот результат…

Лицо Освальда Штольца на протяжение всего рассказа ничего не выражало, только порой под кожей ходили желваки, да на виске усиленно билась синяя жилка.

«Получается, Марлин была уверена, что Нозэр — сын Тоггиана и сознательно мужу не изменяла. Уже легче... А вот как так вышло (учитывая, что наш мир пронизан аллелями силы и «бесталанные» — скорее исключение из правила), даже не вопрос. Есть у меня мыслишка,

кому парень обязан своим появлением на свет, но нужны доказательства. Давно я со старым другом по душам не общался — надо исправляться. Ежели я прав, то и развод можно будет оформить без проблем, и мальчикам достойную фамилию дать. Какую — сами выберут, не маленькие уже».

— Хорошо, внук, — сказал Освальд, хлопнув ладонями по столу, за которым сидел. — Иди-ка ты спать. Пойдём, провожу тебя в палату, — и, заметив желание наследника высказаться, поспешил успокоить его:

— Она напротив той, где лежат Марлин с сыном. Отдохнёте, подлечитесь, а завтра сразу после завтрака я вас домой заберу.

Нозэру ничего не оставлалось, как согласиться — чувствовал он себя, словно выжатый лимон.

* * *

По особому распоряжению главного лекаря завтрак подали гостям прямо в палаты. Во избежание слухов — как позже пояснил сам Штольц. Уж очень Марлин со старшим сыном были на него похожи. Да и меню сильно отличалось от больничного.

К рисовой молочной каше с сухофруктами, мёдом и орехами прилагалась большая кружка горячего, умопомрачительно пахнущего, кофе, а на десерт — воздушное пирожное с заварным кремом и три шарика разноцветного мороженого. Только осознание, что в его возрасте громко выражать восторг неприлично, помогло Нозэру сдержаться.

Когда же он самозабвенно облизывал ложку, в палату заглянул молодой парень (практикант, похоже) и оповестил, что его ожидает мессир Штольц.

Нозэр удивился — вчера же, вроде, всё обсудили, — но спорить не стал. Приведя себя в порядок, юноша направился к деду в кабинет.

Стоило ему постучаться, как послышалось радостное:

— Заходи, внук, садись. У меня к тебе есть вопрос. Профессиональный.

Начало разговора заинтриговывало. Юноша прошёл к столу, опустился в мягкое гостевое кресло и выжидательно посмотрел на деда.

— Сегодня утром я получил отчёт лекарей, что осматривали Салливана. Так вот, они в недоумении: говорят, что либо раны мальчику нанесли не два дня назад, либо у него невероятная регенерация. На спине только шрамы, да и те чуть ли не на глазах бледнеют и исчезают. Не хочешь пояснить?

Нозэр нахохлился и с преувеличенным интересом стал разглядывать узор на ковре. Пауза затянулась и он, издав тяжкий вздох и не поднимая глаз, наконец ответил:

— Когда я обнаружил брата, то воспользовался модифицированным заживляющим составом.

Мессир Штольц сделал стойку:

— Модифицированным, говоришь? А кто над ним работал? Как испытывал действие?

— Работал я сам — по определённым причинам мне было необходимо добиться почти мгновенной регенерации кожных покровов и купирования болевых ощущений. Испытывал, понятное дело, на себе.

— Вот это да! — воскликнул Освальд. — Ты уже запатентовал формулу?

Нозэр покачал головой.

— Нет, я планировал использовать средство только для своих нужд. К тому же, я всего лишь студент лекарского факультета — без рекомендаций декана и профессора по эликсирам меня и слушать не будут. А какая ей выгода мне помогать? За мной ни рода, ни фамилии… моё изобретение моментально бы обрело другого «хозяина», побогаче да познатнее…

— Да, ты, пожалуй, прав, — признал мессир. — Предлагаю тебе свою протекцию: зарегистрируй состав и моя клиника выкупит патент. В обмен ты будешь получать процент с каждого исцелённого пациента. Как тебе?

— Весьма щедро, — кивнул Нозэр. — А под какой фамилией я должен регистрировать продукт?

— Этот вопрос мы ещё обсудим, — уклончиво ответил тот. — Для начала мне нужно встретиться с одним своим старым знакомым, и после, возможно, у тебя появится более широкий выбор. Однако, я буду горд, если ты выберешь мою.

— Я подумаю, — излишне резко отозвался Нозэр. — Когда Вы ждёте ответ?

— Не торопись, внук, — успокоил подростка Освальд. — Думаю неделя у нас есть точно, а может, и больше. Вот проведу встречу, Салливан с Марлин поправятся — тогда и о делах поговорим. А теперь иди, собирайся. Скоро поедем домой.

Юноша встал, степенно поклонился и уже взялся за ручку двери, когда услышал сухой щелчок пальцев и слегка насмешливый голос деда:

— Да, кстати: что это на вас с матерью надето? Вы же вроде как маги, а одёжа как у неодарёнными

Нозэр обернулся и в тон Освальду ответил:

— А это одно из условий Тоггиана: если мы хотим жить с ним под одной крышей и есть три раза в день, то должны одеваться и вести себя как неодарённые… Мать, боясь за Салли, просила не упорствовать. Не представляете насколько я был счастлив, когда меня пригласили учиться в Институт — почти целый год не видеть и не слышать этого — как бы помягче выразиться…

— Самодура, — припечатал мессир Щтольц. — Ни на тирана, ни на деспота он не тянет. Просто самодур, внук. И будь уверен: я сделаю всё возможное, чтобы вас не коснулась даже тень памяти об этом человеке.

Юноша с благодарностью кивнул и покинул кабинет, а Освальд Штольц, придвинув к себе письменный набор и лист бумаги, усиленно застрочил. Затем он открыл клетку с вестниками — «магически улучшеными» птицами (в клинике использовали голубей, ибо их содержание было менее затратным) — и, вручив ему конверт, предупредил:

— Лети, и без ответа не возвращайся.

* * *

Салли открыл глаза и попытался пошевелить хотя бы пальцами ног. После третьей попытки ему это удалось — прекрасно, значит, он не останется навек прикованным к этой, пусть и очень удобной, но чужой кровати. К нему постепенно вернулось его природное любопытство, и он по возможности огляделся. Подозрения подтвердились — он был не дома. Комната была больше и намного светлее, чем в их неказистом, но уютном домике. Мальчик попытался сесть, и, как по сигналу, к нему вошла мама в сопровождении двух людей в зелёных халатах. Салливан улыбнулся: когда он был совсем маленьким, то спросил у матери, почему лекари носят столь яркий цвет. Марлин тогда присела рядом и, глядя сыну в глаза, ответила:

— Зелёный — цвет жизни, малыш. Каждый лекарь после получения диплома клянётся не вредить и стоять на страже жизни и здоровья пациентов.

Мальчика тогда очень впечатлила основательность клятвы.

Отвлекшись на воспоминание, Салли не заметил, как оказался в судорожных обьятиях матери.

— Мама, мама, прекрати, — принялся вырываться он. — Со мной всё хорошо, ничего не болит. Где мы, кстати?

Услышав бодрый голос мальчика, лекари одобрительно хмыкнули: раз возмущается и задаёт вопросы — значит, здоров.

Мама ласково поцеловала Салли в растрёпанную со сна макушку и отстранилась, по-прежнему не выпуская из объятий.

— Как же ты нас напугал, сынок!

— Нас — это кого? — уточнил хмурый подросток.

— Во-первых, нас с Нозэром — он тебя с ног до головы своим составом намазал, почти весь израсходовал. — Лекари, заслышав про чудо-средство (ведь у мальчика реально не осталось даже шрамов), многозначительно переглянулись. — Во-вторых, лекарей: сутки без сознания — это не шутки… Дедушка Освальд установил посменное дежурство у твоей постели — «чтоб не упустить» как он сказал.

— А что, у нас и дед имеется? — удивился Салли и по привычке хотел взлохматить себе волосы, но, дотронувшись до кожи головы, зашипел от боли…

— Ваш прадедушка — мессир Освальд Штольц, хозяин поместья, где вы сейчас находитесь, — вступил в разговор один из лекарей: тот, что постарше.

Увидев, как у мальчика поползли вверх широкие брови, явно доставшиеся от матери, лекарь понял, что ребёнок не знал о наличии у него такого родственника. Не то, чтобы ему очень хотелось, но для ясности картины мужчина спросил:

— Не подскажете ли Вы, что послужило причиной столь долгого обморока? Ни Ваша матушка, ни брат не смогли (вернее сказать, не захотели) вспоминать об этом. Нам важно знать, чтобы не допускать подобных ситуаций в будущем.

Глядя на то, как помрачнел взгляд подростка, лекарь засомневался в своевременности заданного вопроса. Однако, пусть и не сразу, но Салли ответил.

— После моего первого проявления магии отец… наказал меня, — сдавленно продолжил он после паузы. — Выпорол ремнём до потери сознания… Я очнулся, когда брат пришёл меня проведать. Он обработал мне спину каким-то составом, и я заснул, а сознание потерял уже, наверно, позже — не знаю.

Молодой целитель пришёл в ужас:

— Ваш отец что, ничего не соображает?! Бить ребёнка после выброса — это же и с жизнью расстаться можно! Он, вообще, маг?!

— Нет, мой муж — не одарённый, — ответила за сына Марлин. — И он всегда так реагировал на проявления силы — что у меня, что у старшего сына.

Медики насторожились: весьма нехарактерное поведение для безталанного — неплохо бы проверить его состояние (если ещё не поздно). Из задумчивости их вывел голос юного пациента:

— Скажите…

— Да, молодой человек. Что вы хотели узнать?

— Скажите, я смогу теперь поступить в Приграничный институт, как Нозэр?

— Безусловно, — улыбнулся тот. — Вот поправитесь, сдадите экзамен (да не волнуйтесь Вы так, Салли: вам достаточно будет беседы с дедушкой) — и уже осенью Институт будет ждать вас!

Новая жизнь

Следующие две недели Салли привыкал к новому дому и его правилам. Сперва он отучился вставать чуть свет и нестись на кухню, чтобы готовить завтрак на всю семью — ему стало безумно жаль слуг, которые, видя, как «изводит себя» юный господин, горестно причитали и заламывали руки. Однако, мальчик всё же выторговал себе право приготовления десерта, аргументировав это рекомендациями лекарей — заниматься привычными делами, а вмешиваться в налаженный процесс наведения чистоты в поместье он не рискнул.

Одновременно с этим Салли присматривался к новому члену семьи — и то, что он видел, ему нравилось.

О том, что этот человек в возрасте, можно было догадаться лишь по полностью седой шевелюре, которая между прочим, могла поспорить по густоте с волосами Нозэра. Походка мессира Освальда была лёгкой, осанка — королевской, а разворот плеч — богатырским. Несмотря на свой статус главного лекаря, он был приятен в общении, но когда их взгляды встречались, в глазах собеседника Салли видел неизбывную грусть, отчего сердце подростка царапало нехорошее чувство.

Однажды, не выдержав этих взглядов он, набравшись смелости, обратился к деду:

— Мессир Освальд…

Тот обернулся, и брови его нахмурились. Но, увидев, как сжался от испуга малец, растянул губы в ободряющей улыбке:

— Дедушка, Салли, — поправил он. — Я — твой дед. Повтори.

— Дедушка… — прошелестел мальчик и, склонив к плечу голову, спросил, осторожно подбирая слова: — Скажите, а почему Вы на меня так странно смотрите? Вам тоже кажется, что я — приблудыш?..

Мессир Штольц тяжело вздохнул. Сомнения паренька были понятны — светловолосый ребёнок в семье брюнетов кого хочешь заставит задуматься. Отодвинув стул, он поманил младшего внука за собой.

— Пойдём, хочу тебе кое-что показать.

Дед, дождавшись, когда Салли, неуверенно оглянувшись на мать с братом, сползёт со стула, протянул ему руку, и тот осторожно вложил в его ладонь свои пальцы.

Подстраиваясь под шаг малóго, Освальд повёл внука в галерею, где центральным «экспонатом» был огромный портрет магессы, русоволосой и зеленоглазой.

— Знакомься, Салли, это — Элладора Штольц, твоя прабабушка и моя жена, — представил портрет Освальд. — Для меня она была и есть самая прекрасная женщина на свете. Ты так похож на неё…

Следующий час они провели в кабинете Освальда, рассматривая старые снимки родственников, среди которых нередко встречались светловолосые.

* * *

Наконец, когда семейный лекарь сообщил, что сила Салливана стабилизировалась и его здоровью более ничто не угрожает, мессир Штольц пригласил обоих братьев в свой кабинет.

Заняв удобное кресло с широкими подлокотниками, Освальд предложил ребятам присесть на диван. Когда те с комфортом разместились, он оглядел каждого пристальным взглядом и начал свою речь.

— Нозэр, Салли, скоро мы с вами будем праздновать день Света, самый длинный день года. По моим расчётам, именно этот день идеально подходит для проведения ритуала введения в род новых членов (в случае вашей матери — возвращение в род). На него я собираюсь пригласить своего друга — Эбрагима Эльгадру. Не стоит хмуриться, Нозэр: чуть позже ты поймёшь, почему это необходимо.

Салливан, до сих пор сидевший молча, удивлённо переводил взгляд с брата на деда и обратно.

— Это долгая история, — отозвался, заметив это, последний, — если Нозэр захочет, то расскажет. Тебе нужно знать одно: вы по-прежнему братья, самые близкие друг другу люди. Ты понял?

— Да, дедушка, — кивнул Салли.

— Хорошо. Теперь я хочу задать вопрос: что каждый из вас ждёт от ритуала. Важно обсудить это, так сказать, «на берегу», чтобы потом не было обид и недопонимания. Что касается меня, я вижу тебя, Нозэр, своим наследником — ты достаточно взрослый и ответственный для того, чтобы передать тебе бразды главы. Да, пока ты учишься, но будь готов, что впредь я буду брать тебя с собой на важные встречи и приёмы. — Он поднял раскрытую ладонь, пресекая возражения. — На все предложения помолвки (а такие непременно последуют) я буду отвечать, что наложил на тебя обязательство стать мастером элексиров к двадцати пяти годам, и до этого ты не имеешь права жениться. Постарайся соответствовать.

— Спасибо, дедушка, — выдохнул юноша. — Постараюсь с честью выдержать все испытания. — Лукаво блеснув глазами, Нозэр добавил: — В этом мне безусловно поможет неограниченный доступ в библиотеку и Ваше руководство.

Освальд понимающе хмыкнул и кивнул, принимая ответ. Взглянув в зелёные омуты глаз младшего внука, он спросил:

— А чего хочешь ты, Салли?

Хотя вопрос, скорее, был риторическим — Освальд уже знал, что тот ему скажет, и ободряюще улыбнулся, заметив, как мальчик, волнуясь, ёрзает на месте.

— Да мне и не надо ничего — у меня всё есть… Достаточно просто быть частью вашей семьи. В жизни не думал, что у меня столько родных! Это так здорово!

Салли распирало от чувства абсолютного и незамутнённого счастья: будто за спиной выросли крылья.

Мессир Штольц улыбнулся детской непосредственности правнука: как же хотелось, чтобы он подольше оставался таким.

Он безумно любил обоих: с виду такие разные, на деле братья были как две стороны одной медали. Сдержанность старшего разбавлялась безудержным энтузиазмом младшего. Мессир долго наблюдал за мальчишками: Нозэр всё ещё сохранял дистанцию в отношениях как с ним, так и с Салли, а тот ловил малейшие тени эмоций брата и радовался им, как обретённому сокровищу.

— Что же, ваши желания услышаны. Да будет так. До ритуала осталась неделя, нам нужно тщательно подготовиться.

Ребята молча встали и, коротко поклонившись, удалились.

Освальд задумался: нелегко придётся Салли в Институте — его чрезмерное дружелюбие и открытость могут счесть за слабость. Ведь там порой кипят недетские интриги. Нозэру несказанно повезло и с даром, и с характером.

«Как же хорошо, что Артефакт распределяет учащихся по их дару и наклонностям, и не берёт в расчёт желание самих детей, — с облегчением подумалось мессиру. — Странно, что вестник, отправленный мной две недели назад, так и не вернулся. Напомню-ка я Эйбу о себе ещё разок».

Встав из широкого кресла, Освальд присел к письменному столу и принялся сочинять послание его сиятельству. После обычных расшаркиваний и лёгких подтруниваний он, наконец, выложил истинную причину депеши — необходимость решения судьбы общего наследника…

Получив послание с огромным чёрным вороном по кличке Корвус (от такого не отмахнёшься), Эбрагим понял, что шутки кончились, и на обратной стороне письма написал согласие на встречу через пару дней в полдень.

* * *

Время в делах пролетело незаметно, и вот в кабинет мессира Штольца из портала шагнул его сиятельство граф Эльгадра — двухметровый красавец с оливковой кожей, хищным профилем и паутинкой седины в тёмных волосах. Его тёмные как арабская ночь глаза смеялись.

Хозяин кабинета встал из-за стола и после официального рукопожатия крепко обнял старого лиса.

— Сколько лет, сколько зим, Эйб, — сказал он с лёгкой укоризной. — Совсем ты меня забыл…

— А кто заперся у себя в имении на без малого двадцать лет, а? — тут же отмёл все обвинения гость. — Ты, Уолдо, после побега внучки сам перестал посещать приёмы, только в клинику и выезжаешь.

— А то ты не знаешь, что тогда моя Элли сначала слегла, а потом и вовсе покинула меня. Не до приёмов и торжеств мне было, старый друг… Но Королю, на чьей службе я нахожусь, не отказывают. Ладно, дело прошлое. Сейчас речь пойдёт о моём старшем правнуке, который (вот сюрприз!) оказался чьим-то бастардом. И чует моё сердце, ты в курсе, чьим. Лучше сам

расскажи, как так вышло, а то ведь я не посмотрю на нашу дружбу, затребую экспертизу на родство, а у тебя жена и дети — зачем им эти склоки?

— Умеешь, ты уговаривать, — усмехнулся Эбрагим. — Допустим, мой племяш, которому была обещана твоя внучка, не успокоился, а бросил все силы на то, чтобы найти беглянку. Но вот беда, — ещё один смешок, — он опоздал — Марлин успела выскочить замуж «по любви». Тогда, вспомнив тёмную историю одного из ваших первых королей, он пробрался в дом, усыпил мужа, лежавшего на диване, и под его личиной вошёл к той, что отказала ему даже не увидев. Удовлетворив свою месть, он покинул дом, не задумываясь о дальнейшей судьбе женщины.

— Да уж… Но, несмотря на всю подлость поступка, он оказался во благо, — молвил Освальд. — Если бы не это, я бы никогда не узнал, что у меня есть наследник.

— В этом был весь Бонифас, чьё имя в переводе на всеобщий означает "благотворитель", — все его подлости имели благое завершение, а хорошие намерения оборачивались катастрофой, — печально вздохнул Эбрагим. — Всё же имя в жизни волшебника играет не последнюю роль.

— Кто же придумал дать такое светлое имя одному из "вероломных" Эльгадра? — В вопросе не было насмешки — лишь искреннее любопытство.

— Моя невестка, мир её праху, решила «уравновесить» негативное значение фамилии благим именем. Она считала, что так ребёнок будет более гармоничным. Но в результате получилось то, что получилось — беднягу бросало из крайности в крайность. Он и погиб-то, совершая очередной подвиг.

— Мои соболезнования, друг. — Освальд сжал плечо помрачневшего графа. — На День Света я хочу ввести внуков в род, и твоё присутствие на ритуале обязательно.

— Конечно же, я буду, — пообещал тот, вставая. — Но даже без моего участия кровь Эльгадра не помешает ритуалу: Бонни был младшим в роду, и совсем не участвовал в воспитании своего отпрыска.

Вполне довольные результатами встречи и друг другом, старики чинно распрощались и вернулись к своим делам.

* * *

Ритуал прошёл гладко: перед лицом патриархов Штольц граф Эльгадра дал разрешение Нозэру вступить в род матери и принять титул наследника. Салли же стал младшей ветвью с правом основания собственного рода по достижении им полного совершеннолетия. Марлин также вернулась в род, но уже не наследницей, а матерью наследника. Регентом при Нозэре стал сам мессир Штольц.

В середине августа Освальд, всё ещё опасаясь за здоровье младшего внука, пригласил экзаменационную комиссию в поместье, и Салливана протестировали по программе первых трёх лет обучения Института. Тот с честью выдержал все испытания. По очевидной причине блестящее знание теории соседствовало с более скромными успехами в практической части, что в сумме дало оценку «Хороший потенциал» по всем предметам.

Пожав внуку руку, мессир Штольц протянул ему письмо-приглашение. На конверте значилось: «*Салливану Кринжу*». На вопросительный взгляд паренька Освальд ответил:

— Я подумал и решил, что не стоит пока никому знать, кто ты и откуда, поэтому подписал конверт твоим прежним именем. Это даст тебе дополнительную защиту от охотниц за женихами — всё же фамилия Штольц слишком известна.

Салли согласно кивнул: он был рад самому факту, что поедет учиться. Под каким именем — неважно.

Нозэру письмо принёс вестник, причём на конверте золотистыми чернилами был указано полное имя, «титул» и место проживания адресата: «Нозэру Бонифасу Штольцу, наследнику рода. Поместье Штольц».

Юноша выгнул бровь, бросив взгляд на брата: несмотря ни на что, ему было важно, чтобы тот не ревновал его к деду. Тот равнодушно пожал плечами — ибо прекрасно понимал причину подобной помпезности: письмо составлялось автоматически, согласно изменившимся данным в книге судеб «Приграничья».

* * *

На станцию дилижансов их проводила Марлин. Женщину было не узнать: вечно насупленные брови расправились, а глубокая морщинка меж ними разгладилась, кожа лица посвежела — вобщем от смертельно уставшей и забитой «бездари» не осталось и следа. Рядом с подростками стояла Штольц — истинная внучка своего деда во всех проявлениях.

В последний раз обняв и поцеловав сыновей, она со слезами просила старшего «приглядывать» за Салли. Тот, конечно же, обещал.

Стоило им оказаться в дилижансе, как Нозэр достал очередную монографию по эликсирам, взятую из личной библиотеки Освальда, и пропал для мира.

Салли же, сев напротив, с интересом смотрел в окно, периодически задавая брату вопросы (соседей у них, на удивление, не было).

Устав от восторженной трескотни мелкого, тот на первой же остановке решил пройтись. Сказав Салли, что собирается поискать им перекус, он наказал никуда не выходить. Брат тут же отдал честь:

— Ja wohl, mein General!— и залился весёлым и звонким смехом.

Эту вабарскую фразу на родном для прадеда языке, означавшую "Слушаюсь, мой генерал!" мал**о**й выучил первой и произносил, если хотел остановить поток нотаций от старших.

Нозэр покачал головой и вышел.

Стоило ему скрыться из виду, как в карету проникли двое: один — маленький и юркий, с каштановой шевелюрой и причёской а-ля «взрыв на макаронной фабрике»; второй же наоборот — высокий и худощавый, с чёрными вьющимися локонами до плеч. Что их объединяло, так это одинаковая чертинка в глазах и лукавые усмешки на губах.

Присев напротив Салливана, они наперебой стали спрашивать:

— Привет, а ты кто? Мы тебя раньше не видели.

— Ты вроде не первокурсник… Где ты был до этого?

— На какой факультет думаешь поступать?

— А как тебя зовут?

Поначалу Салли пытался отвечать, но вопросы сыпались без остановки, и он махнул рукой: вот закончатся силы у этой парочки — он на всё сразу и ответит.

— Ты что, немой? — спросил «длинный», как про себя окрестил его мальчик (ребята так и не представились).

— Нет, почему… Просто жду, когда вы, наконец, выдохнетесь. — Парни переглянулись, но ничего не сказали. Странный же подросток продолжил: — Зовут меня Салли, — незванные гости попытались фыркнуть, но под спокойным недоумённым взглядом говорящего стушевались. — Мне четырнадцать, обучался на дому, факультет — тот, куда Артефакт определит — он вроде как нашего мнения не спрашивает, — да и сам я ещё плохо знаком со своей силой. А вы, ребята, кто и откуда? — спросил он в свою очередь, отметив, как новые знакомые, заслышав последнюю фразу, скривились. Дураком мальчик не был, и сразу понял: им конкретно не по пути.

— А это, — раздался от дверей бархатный баритон вернувшегося брата, — «золотая молодёжь» всея Института: наследнички послов Сопредельных Держав — Нуар и Ойан. Их несчастные родители так и не смогли вдолбить своим отпрыскам правила поведения в приличном обществе: при знакомстве следует сначала поздороваться, а потом — представиться.

— Ты-то что здесь забыл, Носатик? — внаглую развалившись на месте Нозэра, полюбопытствовал один из «наследников» — тот, что с шухером на голове. — Мы тебя не звали, иди куда шёл.

— Да и вас, я так понял, не приглашали, — отбрил тот. — А я уже на месте. И, кстати, сядь прямо — не у себя дома.

Грубиянам замечание не понравилось, они переглянулись и выдали «гениальную» фразу:

— А чем докажешь?

— Что именно? Что я еду в этом дилижансе от са́мой столицы? Пожалуйста: на верхней полке лежит чемодан с моими инициалами, который, кстати, вот-вот упадёт на ваши и без того скорбные головы.

Оккупанты тут же подскочили со своих мест и, не прощаясь, покинули дилижанс. Последними их словами были:

— Мы ещё с тобой встретимся, носатый!

Нозэр только фыркнул в ответ.

Салли наблюдал за перепалкой с открытым ртом. В груди закипало глухое раздражение: да как они смеют так разговаривать с его братом?! Они что — в лесу росли?! А новоявленный Штольц, присел к окну и, раскрыв свой фолиант, с чувством полного удовлетворения продолжил чтение.

Соседей у них так и не появилось.

На пути к знаниям

Вместе весело шагать, главное — знать, куда и с кем... и ещё — зачем.
Общее наблюдение

Переодеваясь в форму, Нозэр инструктировал Салли. Дома, как ни странно, на это не хватило времени — сначала братец болел, потом восстанавливался, затем — принятие в род и подготовка к экзаменам… А там Салливан погрузился в изучение истории своей будущей альма матер — не до разговоров было.

— Сейчас нам придётся разделиться: я пойду к своему курсу, а тебе нужно будет к первокурсникам, чтобы с ними пройти распределение. Не беспокойся: мимо не пройдёшь — мало того, что это самая шумная группа, так над ними ещё грозный страж возвышается. Запоминай: его Харлампием зовут, и никак иначе — обидится.

— А почему первокурсники добираются отдельно? — спросил любознательный братец.

Нозэр вздохнул.

— Ты же помнишь из истории когда было основано наше «Приграничье»?

— «В очень тёмные времена», — мрачным голосом процитировал Салли.

— Вот-вот, — важно покивал старший. — Королевству нужны были сильные защитники. Поэтому, во-первых, на обучение принимались исключительно взрослые маги, а во-вторых, «вступительные испытания» начинались уже на подступах к Форту. Сначала лес с ловушками, потом река с опасными тварями…

— Тварями?! — ужаснулся Салли и брат по привычке ехидно хмыкнул: напугал-таки мелкого; но не тут-то было — мальчишка возмущённо воскликнул: — Там же городок неподалёку!

Нозэр скрипнул зубами с досады:

— Ну, там не совсем река, — признался он, — скорее окружной ров, только вырытый на большом удалении от стен Института…

Салли с облегчением выдохнул и задал следующий вопрос:

— А страж зачем?

— Чтобы не допустить массового бегства, — фыркнул брат. — Ну или гибели редких экземпляров местной фауны, — в зависимости от набора.

— Весело… — Салливан даже приуныл ненадолго. — А сейчас ловушки с тварями ещё есть?

Нозэр неверяще воззрился на «мелкого» и покачал головой — ну ничего не берет этого любопытного подростка!

— Нет, конечно, — со вздохом признался он. — Теперь и путь, и страж — лишь дань традиции. Детишкам наравится: они себя сразу такими взрослыми чувствуют…

— Ясно…

Салли задумался и даже не заметил, как у него в руках оказался чемодан с вещами, который ему вручил брат.

— Как бы то ни было, — ворчливо буркнул Нозэр, — за мной на лекарский не рвись — ты там не выживешь.

— Так как же… — испуганные зелёные глаза сканировали лицо брата на признаки, что тот пошутил. — Дед же говорил, что в роду все — даже принятые женщины — лекари… И мама… она расстроится…

— Они поймут. Или думаешь, им будет приятней узнать, что тебя гнобят на факультете?! Выяснить причину твоего «домашнего» обучения для старых семей не проблема. Конечно,

напрямую тебе вредить поостерегутся — не захотят проблем с дедом, а вот по мелочи пакостить будут: то сумка вдруг порвётся, то чернила на готовое домашнее задание выльются — плавали, знаем.

— Правда?.. А если Артефакт…

Салли привычно взлохматил волосы на макушке, и Нозэр улыбнулся: этот жест не смогли вытравить ни усиленная муштра деда, не увещевания матери, что «невместно Штольцу ходить растрёпой». Поставив свой чемодан на пол, он одним движением кисти привёл причёску Салливана в порядок и в очередной раз подумал: «Ну вот куда ты полез? Сидел бы дома, мать радовал — без образования бы дед не оставил». Однако поймав на себе по-дедовски внимательный взгляд мелкого — твёрдо ответил:

— Ну, тогда ничего не попишешь — буду тебя своим авторитетом ядодела прикрывать — у нас ведь не только полезные составы изучают. Не боись, прорвёмся!

* * *

Спрыгнув с приступки, Салли бодро зашагал в сторону бородатого здоровяка в шлеме и кольчуге, орущего на всю платформу:

— Первокурсники! Первокурсники, сюда!.. Эй-эй-эй, парень! А ты куда? Ты на первокурсника не похож.

— Привет, Харлампий, я — Салли, новенький! — Открыто улыбаясь, он протянул богатырю руку. — Я никогда не видел Институт — даже на картинке, а мне сказали, что с высокого берега реки — самый лучший вид…

— Это да… С левого берега вид что надо. — Харлампий, задумавшись, запустил пятерню в окладистую бороду и вздохнул. — Ладно, со мной в лодку сядешь — всё веселее будет… Я — бессменный страж Института, много чего знаю, погуторим по пути.

Салли, усмехнувшись про себя такому знакомому жесту (и не важно, что тот пальцы в бороду запустил, а не макушку чесать взялся — ту-то шлем прикрывает, не доберёшься), решил, что они непременно поладят. Бросив внимательный взгляд на уставших и напуганных первачков, он осторожно поинтересовался:

— Харлампий, а у вас всегда так?

— Как это «так»? — не понял большой и не в меру бородатый ребёнок (как-то не получалось к нему по другому относиться — видимо частое общение с детьми сказывется). — Чегой-то я в толк не возьму…

— Да детишки какие-то пришибленные, — терпеливо объяснил Салли. — Приободрить бы надо.

— А как их приободришь-то, коли они от мамки с папкой впервые так надолго уехали?.. Вестимо, страшно им.

— Вот, и я об этом, — согласился подросток. — Давай споём: я классную походную песню знаю. И дойдём быстрее, и не потеряем никого. Я начну, а ребята подтянут.

— Ну, попробуй, коли тебе охота, — махнул ручищей тот. — Я-то петь не мастак, но, если детишкам так спокойней будет, то я завсегда «за».

Младший Кринж обратился к малышне:

— Привет всем! Я — Салли, и, так же, как и вы, впервые уехал из дома. Кто-нибудь из вас ходил в поход?

Ребята зашушукались, и вверх осторожно поднялись несколько рук.

— Негусто, — почесал в затылке самоназначенный вожатый, — попробуем по-другому. Петь все умеют?

— Да!!! — раздался дружный хор детских голосов.

— Отлично! Тогда разбиваемся на пары и запоминаем слова и мотив:

Сундуки в руках.Весь день на ногах. Лес встречает нас листвой, Машет веткой, как рукой. Раз-два, ши́ре шаг, Нам не страшен и овраг! Речка плещет у камней, С песней путь наш веселей. Вместе весело идти́, Много счастья впереди́.

Весь день на ногах. Лес встречает нас листвой, Машет веткой, как рукой. Раз-два, ши́ре шаг, Нам не страшен и овраг! Речка плещет у камней, С песней путь наш веселей. Вместе весело идти́, Много счастья впереди́.

Лес встречает нас листвой,Машет веткой, как рукой. Раз-два, ши́ре шаг, Нам не страшен и овраг! Речка плещет у камней, С песней путь наш веселей. Вместе весело идти́, Много счастья впереди́.

Машет веткой, как рукой.Раз-два, ши́ре шаг, Нам не страшен и овраг! Речка плещет у камней, С песней путь наш веселей. Вместе весело идти́, Много счастья впереди́.

Раз-два, ши́ре шаг, Нам не страшен и овраг! Речка плещет у камней, С песней путь наш веселей. Вместе весело идти́, Много счастья впереди́.

Запомнили? Молодцы! А теперь: слушай мою команду! Парами по росту ста-но-вись! Весёлую походную песню за-пе-вай! — И сам же начал петь.

Детки приободрились и, быстро построившись, зашагали за Харлампием. Салли остался замыкающим, как и положено запевале.

На берег «реки» дети вышли уже в приподнятом настроении, и тут слово взял их провожатый.

— Ну, ребятки, — прогудел он махнув своей ручищей куда-то вперёд и вбок, словно отодвигая штору или завесу. — Сейчас я покажу то место, где вам предстоит жить и учиться на протяжении семи (а может, и всех десяти) лет.

Малышня (и не только) так и застыла с открытыми ртами: форт впечатлял. Конечно там не было ни шпилей, рвущихся в небо, ни башенок с переходами.

На том месте, где казалось, минуту назад ещё ничего не было, кроме зелёной равнины между холмов, покрытых лесом, раскинулся целый город из жёлтого песчаника. Высота зданий за толстыми зубчатыми стенами с круглыми смотровыми башнями не превышала трёх этажей (исключение составлял центральный комплекс), но плотность застройки поражала. На мгновение почудилось, что кто-то просто взял и перенёс сюда из пустыни древнюю крепость. Над водой пронёсся общий вздох восхищения.

«*Но ведь такое не под силу ни одному магу,*— подумалось Салли. —*Но тогда, как?..*»
Последний вопрос он,похоже, задал вслух.

Страж по-доброму хмыкнул и пробасил:

— А ты вспомни-ка древнее, официальное, название Пограничного Института…

Салливан потёр лоб, и на его лице отразился сначала шок, а потом — озарение:

— «Дифирхерцен» — «четыре сердца»!.. Институт перенесли четыре мага!

— Верно. Каждый встал на своей стороне света: Норт — на севере, Саут — с юга, Ист — на востоке, а Вест — на западе, и перенёс свой сектор в долину. Сил, надо сказать, вбухали немерено. — И, повысив голос (будто это было нужно), продолжил уже для всех. — Видите в центре здание с полукруглыми куполами? Это учебный корпус. Там расположены аудитории, кабинеты администрации, бальный и обеденный залы. Все официальные мероприятия проходят именно там. Здания поменьше — жилые. Для преподавателей, учащихся, обслуживающего персонала и тех, кто по каким-то причинам решил у нас задержаться.

— А много таких причин? — не удержался от вопроса Салли.

— Да нет, вобщем-то, — пожал плечами здоровяк. — Чаще всего — личное ученичество у кого-то из профессоров. Реже — по семейным обстоятельствам: вышли замуж, женились. Ну и совсем печальные — остались без попечения взрослых. Таких после войны много было… —

помрачнел вдруг страж и, тяжко вздохнув, превёл тему. — Так, ладно, хватит лясы точить — историю Института вам расскажут кураторы. А нам пора выдвигаться — а то на пир опоздаем.

Расположив подопечных парами (не без помощи Салливана) Харлампий повёл их по еле заметной в густой траве тропке, что вывела их к старому причалу.

— Так, гаврики, — хмыкнул в усы страж, — садимся в лодки: в каждую по четыре человека. А ты, Салли, со мной.

Когда все расселись (что получилось намного быстрее, чем обычно), флотилия отчалила от берега, и Харлампий снова заговорил:

— Здорово у тебя получилось детишек организовать… Где ты этому научился?

— Да я в походы часто ходил и до школы, и потом, — начал было Салли, но, заметив расфокуссированый взгляд явно ничего не понимавшего богатыря, принялся объяснять: — У нас заведено так: чтобы дети по подворотням не шастали, их в группы по возрасту распределяют и по разным местам возят — то в лес, то на озеро, а кто постарше — в горы. Когда переход длинный, без песни никак.

Так слово за слово они договорились, что Салли к стражу в сторожку заглянет и ещё парочку «походных» песен ему запишет. Ну, и напоёт, конечно. Через некоторое время они подошли к берегу, причём тому же самому — высокому. Салли удивился, но промолчал. Харлампий же отодвинул своей ручищей густые лианы, и перед ними возник узкий и мрачный коридор, заполненный водой. Лодки выстроились колонной — иначе было не пройти. Страж дал команду пригнуться, и все послушались — ни у кого даже мысли не возниклою противиться.

Спустя ещё пять минут «водной прогулки» в полной темноте, они попали в пещеру с причалом. Там их ожидал высокий чопорный старик с военной выправкой, сжатыми в нитку губами и прищуренным взглядом, так и говорившим: «Ваши ангельские личики меня не обманут. Я вас насквозь вижу!»

Дети вновь присмирели, даже Харлампий утратил свою говорливость.

Суровый встречающий представился профессором Унгато и с подозрением воззрился на «великовозрастного» Салли.

Тот тут же вытянулся в струнку и, отвесив церемонный поклон, поприветствовал декана силовиков:

— Здравия желаю, профессор! — мальчик терпеть не мог строить из себя солддафона, но с этим «кадром» по другому не получится — он не дама, и чарующей улыбкой его не взять.

— Кто таков? — строго спросил преподаватель, но жест оценил: это Салли заметил по едва наклонившейся голове и тени улыбки, на мгновение скользнувшей в уголке губ военного. — Отчего одет не по форме и прибыл не со своим курсом?

Сделав шаг из общего строя (толпы, если честно), Салливан расставил ноги на ширину плеч и, заложив руки за спину, отрапортовал:— Салливан Кринж, сэр. Не по форме, так как оной не имею, ибо прибыл сюда впервые. Надеюсь определиться с курсом вместе с этими ребятами, — качнул он головой в сторону будущих первокусников.

— Такой здоровый лоб, да на первый курс? — с подначкой ухмыльнулся, испытывая, Унгато.

— Никак нет, сэр, — не поддался Салли. — Этим летом я сдал экзамен квалификационной комисии, и был допущен к обучению на четвёртый курс — со сверстниками.

Столь краткий и полный ответ пролился живительным бальзамом на иссохшую душу старого вояки.

— Дóбро, — похвалил он. — Встать в строй.

— Есть, — козырнул Салли и, развернувшись на пятках, вернулся к своим.

Все мальчишки смотрели на него, как на героя, а девчонки записали красивого и общительного юношу в потенциальные мужья.

Салли же, тяжело вздохнув, подумал: если он, паче чаяния, окажется у силовиков, надолго его выдержки и «военной» выправки не хватит. Срочно нужна помощь…

* * *

Далее, их повели по узким и тёмным ходам, и богатырю Харлампию пришлось отстать — он в них попросту не проходил. Спустя примерно час ребята вышли в просторный светлый холл, из которого вело сразу несколько дверей, а также широкая парадная лестница — наверх. Но осмотреться им так и не дали — Унгато рыкнул, словно злобный огр, сказав, что никого ждать не будет — пришлось прибавить шагу. Далее малыши — голодные и холодные — оказались в сравнительно небольшой комнатке (примерно с две новых спальни Салли), где их оставили «чтобы привести себя в порядок».

Очевидно, помещение было опутано следящими чарами, — иначе как объяснить, что профессор вернулся только после того, как последний мальчишка вспомнил очищающие, сущащие и разглаживающие заклинания?

Придирчиво осмотрев подопечных, он тяжело вздохнул и, махнув рукой, произнёс короткое:

— Сойдёт, — и дал знак выдвигаться.

Конечным пунктом назначения был, по видимому, актовый зал: круглое помещение, поделённое на пять секторов, один из которых вмещал в себя всего один стол, находившийся на возвышении — на расстоянии трёх ступеней от пола.

Сектора были чётко разграничены и «раскрашены» в разные цвета: красный, жёлтый, зеленый и синий — ученические, и фиолетовый — преподавательский.

Центр зала был белым и там на деревянной подставке находилась огромная (примерно с хороший арбуз) матовая сфера, заключённая в широкое кольцо.

— Перед вами — Артефакт, — провозгласил высокий и стройный блондин, восседавший на центральном кресле. — Каждый сейчас подойдёт и возложит на него руки. В какой цвет окрасится сфера, там вам и предстоит учиться. Красный цвет — факультет силовиков; декан — профессор Унгато, преподаватель боевой магии и ОМЖ (основ магической жизнедеятельности), с ним вы уже познакомились. Жёлтый — Бытовая магия и его декан — профессор Ауреliус, наш старичок-бытовичок. Его специализация: растениеведение. Прошу Вас, профессор, покажитесь! — и из-за стола буквально выкатился небольшого росточка, но очень полный и зело бородатый седой мужичок в золотистом камзоле, глаза которого сияли добрым озорством. Поклонившись, он вернулся за стол. — Зелёный — элексиры (в просторечии «лекарский», но это не совсем так), во главе которого стоит профессор Гринхарт (она же и преподаёт сей сложный, но очень важный предмет). Не советую враждовать с этой дамой, — продолжил тем временем мужчина. — И, наконец, синий цвет — факультет науки и инноваций, с прекраснейшей, но холодной мадмуазель Магнус — преподавателем астрономии — во главе.

Обе дамы — молодая и в преклонных годах — одновременно поднялись со своих мест, кивнули, и так же молча уселись.

— А это, — подал голос их бывший сопровождающий,— был директор Института, где вам предстоит учиться — господин Версен.

Тот только пожал плечами, ни капли не раскаиваясь в том, что забыл представиться.

— Итак, — провозгласил директор, — кто из вас готов узнать свою судьбу первым?

Дети, как по команде сделали шаг назад, и Салли оказался один перед главой Института и деканами.

Версен по-доброму усмехнулся:

— Представьтесь, молодой человек.

Салли вздохнул — чего-то подобного он и ожидал: слишком уж он выделялся из толпы, — и выдал слегка расширенную речь, исполненную им ещё в дилижансе:

— Салливан Кринж, четырнадцать лет. До этого лета обучался на дому, но в связи с изменившимися обстоятельствами, решил продолжить образование здесь. — Обозначив поклон, он тщательно отслеживал реакцию на свои слова. В комиссию, что его экзаменовала, не входил никто из деканов, тем более директор.

Версен еле заметно подмигнул пареньку (или тому показалось?) и предложил:

— Раз уж мы теперь знакомы, прошу к Артефакту, Салли. Удачи тебе!

Мальчик приблизился к сфере, положил на неё руки: поверхность была приятной на ощупь — тёплая и шершавая. Сначала не происходило ничего — Салли даже успел испугаться, но вдруг шар взорвался целой радугой, поочерёдно вспыхивая цветами всех факультетов: красный, жёлтый, зелёный и синий. Затем в обратном порядке. Затем внутри сферы образовался разноцветный смерч и, наконец, цвета разбились на сектора — точно как на полу в зале. Преподаватели и студенты ахнули.

— А я говорила, — разнёсся в полной тишине ворчливый старческий голос профессора Гринхарт, — наплачетесь вы с этим Кринжем! Но кто меня слушает…

— Мы всегда Вас слушаем, профессор, — тихо и предельно учтиво отозвался Версен, — и очень ценим Ваше мнение. Однако в этот раз я не имел права поступить иначе. — И уже громче, обращаясь к студенту, продолжил: — Ну что ж, ситуация возникла необычная. В тебе всех видов магии поровну, а значит, и выбирать где учиться будешь сам.

— Я как-то не готовился к такому… — растерянно промямлил тот, но, вспомнив наставления прадеда, быстро взял себя в руки. — Однако, если Сила подвела, вооружимся логикой.

Версен с Магнус одновременно хмыкнули: им эта фраза была ну о-о-очень знакома, прям до боли.

— Мы все — внимание, — подбодрил директор. — Слушаем.

— На самом деле, вздохнул Салли, — выбор у меня не слишком велик… — и вмиг ощутил на себе неприязненный взгляд нескольких десятков глаз. Если учителя смотрели с удивлением и некоей долей возмущения (вот наглец!), то ученики — с откровенной завистью (ну куда больше?! И так четыре из четырёх!), поэтому юный Кринж поспешил объясниться. — Начну с того, что при всём уважении к профессору Унгато, стать его студентом я не могу: конституцию тела не изменить… Мне просто жаль Вашего времени, профессор. — Тот сухо кивнул, показывая, что принимает отказ. — Далее, факультет эликсиров… Положа руку на сердце, и хочется, и колется… Хочется, потому как вся моя семья — лекари, и если не выпускники этого Института, то много слышали о нём. Но и колется, потому как очень уважаемый мной человек считает, что меня (цитирую) там съедят.

— Кто ж этот умник, что такие сплетни распускает! — рассердилась старушка. — Да у меня тишь да гладь на факультете!

— Только не говорите, что божья благодать, — как-то зло усмехнулся Аурелиус. — Ни за что не поверю. Скорее у Вас там как у пауков в банке: кто успел, тот того и съел!

— Нормальная здоровая конкуренция, — отбрила госпожа декан. — Как иначе они научатся отстаивать свои интересы? А слабых даже в дикой природе уничтожают. — И, обратившись к Салли, с подначкой спросила: — Значит, в угоду этому кому-то ты готов отказаться от мечты, расписавшись в собственной слабости?

— Нет, мадам, — спокойно ответил подросток. — Я просто трезво оцениваю свои возможности и говорю, что к подковёрным баталиям не привык — не то было окружение. И потом, этим летом я слишком близко подошёл к Грани — и это ощущение мне не понравилось. Хочу жить долго и, по возможности, счастливо. Прошу простить. — И продлжил: — Вот мы и пришли к тому, что как таковой выбор стоит между двумя факультетами: «Наука и инновации» и «Бытовая магия» — не густо. Учиться я люблю, однако считаю, что любое знание должно приносить пользу. Наука ради науки меня не прельщает. Да и эксперименты после этого лета для меня под запретом… Остаётся только бытовая магия. Прúмите меня под крыло, мастер Аурелиус?

— Приму, — заквохтал, просто лопаясь от гордости, декан солнечного факультета. — Как не принять такого разумного молодого человека? — и жилет Салли стал жёлтым в зелёную клетку.

— А я всё же считаю, что и на моём факультете ты бы нашёл себя, — без единой эмоции, как бы для себя, проговорила мадмуазель Магнус. — Но, раз выбор оставили за тобой, — принимаю. И мстить не буду.

— Благодарю Вас, госпожа, — искренне поклонился ей Салливан.

Теперь все взгляды устремились к мадам Гринхарт, и сколько та не пыжилась, ей пришлось повторить формулу отказа от сведения счётов.

— Вот и договорились, — довольно закивал Версен. — Теперь мы, наконец, сможем приступить к распределению первокурсников…

— Боюсь, что нет, — как всегда сухо и по делу отозвался Унгато. — Артефакт всё ещё демонстрирует радугу. Помнится, лет пять назад был подобный случай. Сколько тогда ушло времени на перезагрузку?

— Сутки, — сердито ответила Гринхарт. — Это — один из моих способнейших учеников…

— Но дети устали и хотят есть! — возмутился Салливан. — Неужели, чтобы покормить ребят необходимо их одежду перекрасить? Если так, то я забираю малышей с собой! Отряд! Слушай мою команду…

И поражённые преподаватели стали свидетелями, как одежда ребят моментально окрашивается в жёлтый; они строятся парами и чинно шествуют к столу бытовиков под предводительством Салливана Кринжа.

Внезапно рыженькая пышка в огромных очках схватила его за руку и, усадив рядом с собой, зашептала на ухо с таинственным подвыванием нечто странное.

— Чего?! — опешил от неожиданности подросток. — Ты о чём вообще?..

Девушка же сидела и смотрела на него снизу вверх, непонимающе хлопая ресницами.

— Не обращай внимания, Салли, — ответила за неё миловидная русоволосая девчушка с едва заметной россыпью веснушек на носу. — Это наша Кассандра, с ней так часто бывает: скажет что-нибудь своим замогильным голосом, а потом не помнит, что именно…

Салливан задумался — было в этом поведении нечто знакомое: вроде он читал где-то о подобном…

— Меня, кстати, можно звать Эмми, или Линой. Главное — не Милли, — представилась собеседница.

Дальнейший разговор они вели уже втроём и были довольны друг другом. Тем временем, директор произнёс короткую, но очень весёлую вступительную речь, и на столе появилась еда.

Поскольку нормально поесть за целый день Салли не удалось, он выбрал пастушье рагу и картофельное пюре — до конца дня должно хватить.

После пира кураторы бытовиков столкнулись с проблемой: первокурсники преданными взглядами смотрели на Салли, напрочь игнорируя их команды. Кринж со вздохом напомнил ребятам, что и сам новенький, а потому не знает, где располагаются домики их факультета.

Когда же и это объяснение прошло втуне, пошёл на хитрость, объявив, что свои обязанности вожатого он делегирует ребятам с нашивками (то есть, кураторам). Однако малыши упорно кучковались вокруг Салли, и старшие махнули рукой — какая разница, кто разведёт "молодняк" по домам? Всё равно идут одной толпой...

Выйдя из учебного корпуса кураторы повернули налево и девушка начала рассказывать.

— Вы, наверное, заметили, что основные цвета наши — жёлтый и зелёный, как трава и солнце? Поэтому и жилища у нас расположены на востоке. Бытовики встают с дневным светилом и ложатся вместе с ним. Потерпите, ещё чуть-чуть — и мы выйдем на центральную площадь.

Действительно, не прошло и пяти минут, как они были на месте.

Круглый пятачок был окружён домиками, по форме напоминавшими улья. Салли удивился:

— А с реки все дома выглядят одинаково!..

— Верно, — улыбнулась куратор, представившаяся как Полин. — Наш институт прикрыт несколькими иллюзиями. Первая — ненаходимости — чтобы нас невозможно было обнаружить с воздуха. Вторая — подобия: все здания кажутся одинаковыми, выделяется только учебный корпус — это не даёт новичкам отвлекаться от цели путешествия.

После этих слов Салли понял: перед домиками осталась только их группа и провожатые. Остальные разбившись на пары и тройки разбрелись по своим жилищам.

Теперь слово взял юноша — чуть полноватый блондин невысокого роста с квадратным подбородком, что в принципе совсем его не портило.

— Поздравляем с поступлением на самый дружный факультет! — вновь поприветствовал их куратор мальчиков. — Меня зовут Эдвар Бланш, я отвечаю за мужскую часть «населения». Моя напарница — Полин Платан — курирует женские общежития. Но упаси Вас боги её злить. — Девушка сердито ткнула парня локотком в бок. Тот притворно скривился и констатировал: — Как я и говорил… Далее: нас некоторые считают нас слабаками, забывая при этом, что бытовая магия имеет самый широкий спектр заклинаний, и очень удивляются, когда мы из раза в раз побеждаем в дуэлях. Закончив этот факультет Вы сможете стать кем угодно, кроме посредственности, ведь наш символ — пчела: создание трудолюбивое и «семейное». Взаимопомощь — стиль жизни солнечного факультета.

Дальше продолжила Полин:

— Наши домики-улья весьма уютны. Во всех есть общая гостиная, где можно как учиться, так и с комфортом отдыхать, а так же несколько спален — по одной на человека. Мы никогда не бродим по городку после отбоя, в отличие от студентов с других факультетов. Домики девочек расположены справа, мальчиков — слева. Приятных вам снов, ребята! Мистер Кринж, — окликнула она Салли, — с вами хотел побеседовать наш декан — позвольте, я провожу.

Оставив Эдвара расселять малышню, Полин подхватила Салли под руку и повела с площади. Через четверть часа они уже стучались в двери домика фиолетового сектора.

— Добрый вечер, мистер Кринж, Полин! — поздоровался профессор Аурелиус, как только ребята вошли в гостиную. — Хотите чаю? — На маленьком журнальном столе тут же появились три чашки сиупомянутым напитком, крепким и душистым, а к ним — молочник, тарелочка воздушных пирожных с заварным кремом, розетка с мёдом и вазочка с имбирным печеньем.

— Признаюсь честно, ваше появление наделало много шума среди преподавателей, — начал речь декан, обращаясь к своему новому студенту. — Как я понял, директор в курсе «особых» обстоятельств, заставивших принять столь непростое решение — прийти учиться к нам сразу на четвёртый курс. Однако мне, как Вашему декану, тоже нужны подробности. — Заме-

тив настороженный взгляд подростка в сторону куратора, Аурелиус поспешил его успокоить. — Не стоит опасаться, Салли. Всё, что Вы скажете, останется в стенах этого дома.

Салливан вздохнул и, сделав ещё пару глотков чая, начал рассказ. Когда он закончил, в комнате повисло гнетущее молчание.

Лицо Аурелиуса, до этого мягкое и располагающее к общению, закаменело, глаза заледенели. Повернувшись к побледневшей Полин, чьи губы дрожали, а в глазах стояли слёзы, он дал ей чёткую команду: «Забудь!». Его лицо вновь приняло благостное выражение и, взяв в руки чашку, декан как ни в чём не бывало защебетал:

— А как Вы виртуозно оставили с носом эту сушёную воблу Гринхарт — снимаю шляпу!

Профессор довольно захихикал, а подозрения Салли, зародившиеся еще на распределении, стали обретать под собой почву. Набравшись смелости, мальчик решился спросить:

— Простите, профессор, а гномы Вам случаем не родственники?

Декан перестал смеяться и посмотрел на своего гостя с нескрываемым уважением.

— Да, мистер Кринж, я — на четверть гном. Но только т-с-с — это большой секрет, — и, улыбнувшись подростку, решил закончить встречу. — Ну, что же, мои дорогие, время уже позднее, думаю, вам обоим необходимо отдохнуть. До свидания.

Поблагодарив профессора за чай и вежливо с ним распрощавшись, ребята вернулись на «пчелиную» площадь. Свет горел только в двух домиках.

— Этот, — указала Полин на жилище побольше, — наш с Эдваром. Он переходящий — в нём живут только кураторы факультета. А вон тот, подальше — твой. Там как раз одна свободная комната была. Спокойной ночи, Салли. Приятно было познакомиться.

Зайдя в указанный «улей», Салли обнаружил, что там никто не спит. В гостиной был накрыт сладкий стол, и соседи — высокий смуглый брюнет и полноватый рыжик небольшого росточка — отнюдь не скучают.

— Привет, я — Салли, — в который уже раз за сегодня представился подросток.

— Привет, — ответил брюнет. — Я— Диего Коннар, а это мой друг — Грегори Гаммит, и мы рады, что ты с нами. Присоединяйся — у меня сегодня день рождения.

— Серьёзно?! — воскликнул новенький и уже спокойнее уточнил: — Без шуток?

Получив недвусмысленное подтверждение, он бросил свой чемодан на стул, открыл его и принялся там рыться. Не отвечая на расспросы, он вытащил откуда-то снизу стильный кожаный браслет с металлическими вставками и протянул его имениннику.

— С Днём Рождения, Диего! Это — простейший щит и сигналка в одном: простые сглазы он отбивает в пославшего, а в случае чего-то серьёзного даёт сигнал в Королевскую Клинику.

— Не стоило, приятель, — смутился тот. — Достаточно простого поздравления. Прости, это было грубо с моей стороны.

— Ничуть, — ободрил его Салливан, — мне приятно подарить тебе что-нибудь в залог нашей дружбы.

Выпив по чашке чая и угостившись именинным тортом, ребята решили закончить посиделки, ибо впереди был трудный день, и к нему необходимо было подготовиться.

* * *

Утром мессир Освальд с внучкой получили от Нозэра отчёт о том, что Салли попал на факультет бытовой магии — причём выбор сделал сам, чётко аргументировав своё решение. Все профессора, за малым исключением, пришли в восторг.

А после, так как Артефакт снова вышел из строя, начался форменный цирк: собрав вокруг себя всех первокурсников, малой усадил их всех за столы «жёлтых».

Выражения лиц деканов были бесценны!

Надо сказать, мессир Штольц с облегчением выдохнул: бытовики были весьма лояльными ко всем, и больше всего ценили преданность семье и любовь к детям — значит, с младшим (дед перенял привычку наследника именовать Салливана именно так) всё будет в порядке.

Про «цирк» ему донесли чуть раньше — восторженные первокурсники описали родителям, как под «весёлую строевую» новенького шагали за огромным Харлампием через тёмный лес. Естественно, родителям стало интересно, что четырнадцатилетний парень делал среди одиннацатилеток, и по своим каналам выяснив имя новенького, сопоставили с ходившими слухами о возвращении внучки Штольц с приплодом, решили брать быка за рога — к главному лекарю полетели вестники.

Уроки ответственности

«Будь готов отвечать за всё добро, что ты причинил…»
(Народная мудрость)

Для Салливана начался новый виток адаптации: снова новая обстановка, новое окружение, новые правила. За суматохой он совсем забыл о странных словах рыженькой Касси — девушки с тяжёлой судьбой, оставшейся совершенно без семьи (даже фамилии её никто не знал). Поэтому вызов к декану силовиков стал для Кринжа полной неожиданностью.

Беседа в его кабинете началась нетривиально: профессор Унгато, опустив положенные приветствия, начал с обвинения:

— Ваши «подопечные» терроризируют шестикурсников!

Гневный выпад обычно сдержанного преподавателя выбил Салли из колеи и он, забыв о необходимости изображать солдатика, очень эмоционально выдал:

— Кто, простите?! Я как-бы только на четвёртом курсе, профессор (если Вы забыли) и до статуса куратора ещё не дорос… — а потом вдруг, видно о чём-то вспомнив, ехидно уточнил: — И кто же из Ваших почти-выпускников жалуется на маленьких пчёлок? Неужто все? — и усмехнулся ещё так знакомо, поганец!

— Нет, не все, — буркнул, вспыхнув, что маков цвет, профессор. — Только двое: Джельсамино Ойан и Сироно Нуар, сыновья послов Иностранных Держав. Мы с мастером Ауреліусом собрали всех «фигурантов» в кабинете директора, но представитель первокурсников заявил, что говорить будет только в Вашем присутствии. Распустились!

— А что по этому поводу говорят сами высокородные наследники? — как-то слишком спокойно поинтересовался Салливан.

— Они тоже отказываются назвать причину.

— Ясно. Собрание, я так понимаю, всё ещё идёт? Позвольте присоединиться… — Тяжело вздохнув, юный Кринж собрал вещи (ибо его сдёрнули с урока) и двинулся вслед за профессором.

Первый курс бытового факультета за небольшим исключением (среди них не было девочек) сидел на скамейке вдоль стеночки и ёжился под разочарованным взглядом своего декана и внимательным — директора. Увидев Салли, ребята приободрились, но, заметив у него за спиной сурового силовика, предпочли остаться на месте.

Четверокурсник подошёл сам, поприветствовал декана и встал между ним и «своими подопечными», после чего раздался усталый голос Версена:

— Ваше требование о присутствии мистера Кринжа выполнено, господа. Мы готовы вас выслушать…

Ребята переглянулись, и со скамейки встал давешний переговорщик:

— Благодарим Вас, директор. Мы выражаем вотум недоверия кураторам силовиков! Они не справляются со своими обязанностями.

— О как! — даже опешил Версен от такого заявления. — И в чём же это выражается? Желательно с примерами, а то профессор Унгато, очевидно, не в курсе.

Паренёк не заставил просить дважды: обстоятельно он перечислил все «невинные» шалости присутствовавших здесь старшекурсников и реакцию (точнее, её отсутствие) на них старост. Эта мелочь не только заметила, но и, в духе факультета, бросилась на защиту «своего» — ведь всё началось с того, что напившись до состояния нестояния, эти двое взрослых лбов отправились гулять по студенческому городку, во всю мощь своих лёгких рассуждая, что раз противный Нос (кто это, кстати?) стал недоступен, то надо бы проучить выскочку — а то больно нос задрал…

Декан молча кипел — слушать было неприятно. И это — его любимые студенты, его гордость?! Да они попросту хулиганы, потерявшие голову от вседозволенности!

— Довольно! — прервал он отчёт первокурсника. — Мне всё ясно. Кураторы будут наказаны и лишены постов, как не оправдавшие доверия. Шестикурсники Ойан и Нуар — оштрафованы. Приношу свои извинения за неподобающее поведение моих кур… студентов.

— Принято, — кивнул директор. — На сем собрание считаю завершённым. Только очень прошу: сворачивайте свою партизанскую деятельность, ребята, — обратился он к «юным мстителям», — или я вынужден буду принять меры…

Дети синхронно поклонились и гуськом покинули кабинет под чутким присмотром профессора Аурелиуса.

Декан Унгато, кипя от ярости, чуть не за уши выволок своих студентов — их явно ожидает «весёлое» времяпровождение ближайшие дня три, а то и дольше.

В кабинете остались лишь его хозяин и задумавшийся Салливан Кринж.

Посидев в тишине минут пять, директор всё же решился спросить:

— Простите моё любопытство, но мне показалось, что Вы поняли, о ком говорили мистеры Ойан и Нуар?

— Да, директор, Вы правы: они сокрушались, что больше не могут безнаказанно терроризировать Нозэра, моего старшего брата. Ну а про выскочку и так ясно… — мрачно отозвался подросток.

— Понятно, — тяжко вздохнул Версен. — Идите, Салливан, и, ради всех богов, будьте осторожны. Если что-то с Вами случится, Ваш прадед меня не простит, а его дружбой я очень и очень дорожу

* * *

Как и опасался директор, наказание не только не остудило горячие головы хулиганов, но наоборот ещё более разозлило их.

Под предлогом благородной мести за обиженного товарища они принялись пакостить Кринжу, но так, чтобы не попасться.

Салли везде ходил с толпой однокурсников, а нападать на троих или уж тем более пятерых «пчёл» было чревато. К тому же, новая пара кураторов сквозь пальцы на их выходки смотреть не собиралась. Однако заклинания подножки или «случайно» упавшие доспехи, спокойно стоявшие на постаменте чуть ли не с самого основания Института, сыпались в сторону четверокурсника с ужасающей частотой.

Девочки — Эмми и Касси — пытались убедить Салли сообщить о бесчинствах парочки декану или директору, но от лишь отмахивался: не пойман — не вор.

Устав бороться с упрямцем, Эмми «подговорила» соседей Кринжа всюду его сопровождать. И теперь их тёплую компанию из пяти подростков видели то тут, то там — и в библиотеке, и на обеде они сидели вместе. Даже уроки они делали впятером по расписанию: по чётным числам месяца — в домике девочек, по нечётным — у мальчиков.

* * *

Зайдя в очередной раз в класс ОМЖ, Салли опешил: парт не было и в помине, даже учительский стол был задвинут в самый угол. Профессор Унгато стоял посреди совершенно пустой комнаты в своей излюбленной позе бравого капрала и вещал:

— Добрый день, класс! Сегодня у нас практическое занятие, так что разбиваемся на пары.

Ребята зашумели, задвигались и в результате в центре осталась группа из пяти человек: Салли, Диего, Грегори, Эмми и Кассандра.

— Какие-то проблемы? — спросил преподаватель. — Мисс Кассандра, встаньте в пару с мистером Кринжем, мисс Вазонская — с мистером Коннером, а мистер Гаммит сегодня составит пару мне. В следующий раз поменяетесь. А теперь задание: тренируем щиты.

Занятие проходило в штатном режиме ровно до тех пор, пока профессор не объявил смену позиций: теперь те, кто защищался, должны были нападать. Салли отнёсся к этому спокойно — за последнее время он натренировался работать в обе стороны. Но когда он мельком взглянул на приятеля, стоявшего напротив хрупкой Эмми, понял: сейчас что-то будет, ведь на правой руке Диего красовался его подарок.

Прозвучала команда «огонь», и в Коннара полетело слабенькое заклинание, «отнимающее» ноги. Тот, очевидно, забыв о браслете, выставил щит и, столкнувшись с двойной преградой, проклятие отскочило в сторону нападавшей, при этом ещё и усилившись. Эмми не ожидала такого эффекта, и прикрыться явно не успевала.

Салли бросился лучу наперерез — его щит, не выдержав напряжения из-за движения и «нападения» с двух флангов, лопнул. Как результат: Кринж — на полу, загибается от хохота.

Урок сорван.

Распустив класс, профессор Унгато потребовал объяснений у виновников происшествия. Салли, которого освободили от действия заклинаний, пояснил свои действия. Выслушав объяснения, преподаватель покачал головой:

— Ваша самоотверженность достойна выпускника моего факультета. Однако с чего Вы решили, что мисс Вазонской что-то угрожало? Даже если бы то проклятие вернулось, максимум, что ей грозило — упасть на маты.

Салливан бросил неуверенный вгляд на Эмми и, вздохнув, признался:

— Понимаете, профессор, я заметил на руке Диего браслет, что подарил ему в начале года. Он имеет функции щита… Если бы в Эмми попало удвоенное заклятие, боюсь что силой толчка её бы отбросило к самой стене — а там матов нет…

Сказать, что преподаватель удивился — это значит скромно промолчать. Он излил своё возмущение на нового «зачинщика» беспорядка.

— Мистер Коннар! Кто вам дал право приносить на урок защитный амулет?! И почему Вы не знаете принципов его действия?! Что было бы, поставь я напротив вас мисс Кассандру?!

С каждым словом преподавателя голова Диего опускалась всё ниже и, когда, наконец, возмущённый профессор замолчал в ожидании ответа, тихо произнёс:

— Простите, сэр! Последнее время рядом с Гарри всё взрывается и падает — такое впечатление, что на него кто-то охоту устроил, — вот я и надел браслет, чтобы и себя обезопасить, и того, кто рядом… А потом просто забыл снять. Про то, что он заклятия отбивает, я тоже забыл… Ещё раз простите!

— Понятно всё с вами, — устало выдохнул Унгато. — Склероз в столь юном возрасте лечится, в основном, трудотерапией. Подойдёте ко мне в конце дня (оба!), — наставил он палец на провинившихся ребят, — выпишу вам наряды на кухню. Свободны! — но в самый последний момент, когда те были уже у двери, добавил: — А вот ваш браслет, мистер Коннар, мне хотелось бы изучить на досуге в компании мадам Флаффи, нашего штатного лекаря. Вы, мистер Кринж, тоже приглашены — как автор сего артефакта.

— Да, сэр! — вытянулся в струнку последний. — Разрешите идти?

Унгато молча кивнул, погружённый в непростые размышления.

«Откуда у мальчишки такие способности? Надо непременно поговорить с директором — ведь это по его протекции Кринжа взяли сразу на четвёртый курс. Да и фамилия-то больно знакомая… Но учился под ней совсем другой юноша, однозначно не похожий на это чудо. Я бы заметил».

Как только кабинет опустел, профессор Картер Унгато сел за должностную записку. В ней он подробно описал директору сам инцидент, его последствия и предполагаемые наказания для виновников. Ну и в самом конце старейший преподаватель просил уделить ему время для беседы.

Запечатав, по старой военной привычке, записку особым способом, он отправил её прямо на стол Версену — была такая привелегия у деканов.

* * *

Салли, вернувшись в свой домик, решил написать письмо домой: рассказать обо всём случившемся и спросить совета.

«Здравствуйте, дедушка!— не долго думая написал он.

И месяца не прошло, а у меня столько всего произошло!..

Во-первых, из-за меня в стане силовиков — раскол. Первокурсники, с которыми я прибыл в Институт (и которые в полном составе поступили на «солнечный» факультет), выступили всем фронтом (точнее, мужской его частью) против двоих шестикурсников, наследников родов Ойан и Нуар, желая оградить меня от нападения с их стороны. Надо сказать, им это почти удалось.

В результате нашивки куратора мальчиков поменяли своего владельца, что весьма огорчило его друзей (тех самых Ойана и Нуара), и они стали подстраивать мне «несчастные случаи» — то споткнусь на ровном месте, то доспехи на меня свалятся. Но, поскольку мы по одиночке не ходим, до открытых столкновений не дошло.

И ещё новость, на этот раз добрая: тот браслет, что я плёл перед самым отъездом, работает! Я его однокурснику подарил, соседу по спальне, и сегодня он случайно забыл его снять на практике по ОМЖ. Не волнуйся, никто не пострадал. Меня правда, на ковёр вызвали: «поучаствовать в обсуждении свойств артефакта». О его результатах сообщу дополнительно.

Любящий Вас внук,

Салливан Кринж».

Аккуратно свернув послание, мальчик вызвал вестника и, пожелав лёгкой дороги, отправил его в поместье Штольц.

* * *

Ответ на корреспонденцию пришёл уже на следующий день. У профессора Унгато с утренним колоколом на прикроватной тумбочке материализовалась записка от Версена с датой и временем посещения. Салли же послание доставил ворон Корвус — любимец мессира Штольца.

— Каков красавец! — заохали девочки.

Пока уставший птиц наслаждался всеобщим вниманием и лаской, Салли отвязал дедово письмо и спрятал в карман. Угостив почтальона беконом, он отпустил его восвояси.

Закончив с завтраком, Кринж подхватил сумку с учебниками и вышел из обеденного зала. До первого занятия оставалось чуть меньше получаса — как раз хватит и ответ прочитать, и на урок не опоздать.

Зайдя в ближайший пустующий класс, он запечатал вход своей силой, чтобы никто не вошёл, и погрузился в чтение.

«*Дорогой внук!*

Ты просто не представляешь, как мы обрадовались твоему письму.

О приключениях читали всей семьёй: спасибо, повеселил.

Результатов «обсуждения» жду с нетерпением, и, чтобы там ни было, знай — я всегда с тобой.

Твой любящий дед,

Освальд Штольц.

PS. С послами Ойаном и Нуаром переговорю: может статься, они и не знают, как их дети развлекаются. Намекну им тонко: если что-нибудь с тобой произойдёт, я найду способ отказать им в обслуживании.

Вот ежели бы ты не засветился со своим браслетом, я бы выслал тебе один любопытный артефакт, который мне когда-то презентовала твоя прабабушка Элладора. Я тогда на симпозиум должен был ехать, а она не могла меня сопровождать. Так перед самым выходом повесила моя Элли мне на шею амулет «от сглаза, хвори и всякой боли»: крохотный мешочек на тёмной верёвочке. Однако сейчас за тобой будут очень внимательно наблюдать, лучше не дразнить гусей».

С облегчением выдохнув, Салли отправился на урок. Его ждала интереснейшая лекция по истории магии…

* * *

А в это время профессор Унгато сидел в кабинете директора.

— Здравствуйте, профессор! — поздоровался тот. — Присаживайтесь. Разговор будет непростым… — Версен нахмурился и, явно нервничая, переложил стопку бумаг с одного края стола на другой. — Уж не знаю, поздравить Вас или посочувствовать. Вы же занимаете этот пост не первый год, а потому дожны помнить, что предыдущие пять лет фамилию Кринж носил другой парнишка: высокий такой, худощавый, с длинными чёрными волосами и горбинкой на носу. Никого не напоминает?

— Штольц, демоны его возьми! Я знал, что мальчишка его рода. Характер не спрячешь! Но причём тут Салливан?

Директор тяжело вздохнул, и ответил:

— У ребят одна мать, профессор: некогда пропавшая внучка мессира Освальда. Салли в этом году ввели в его род боковой ветвью. Нозэр, как старший, стал наследником. Вспомните Элладору Штольц — она тоже была светловолосой и зеленоглазой. Да и магия у неё была похожей… Так что даю Вам задание: подумайте, как без вреда для окружающих развить подрастающий талант.

Унгато поднялся с кресла и, прищёлкнув каблуками, отозвался:

— Разрешите выполнять?

— Выполняйте, — ответил Версен, отпуская ветерана.

* * *

Приглашение «на чай к декану» Салли пришло вечером в пятницу: время было указано четыре пополудни, день — суббота.

— Здравствуйте, мистер Кринж, — официально обратился к нему декан Аурелиус. — Заходи, не стесняйся. Не мог бы ты рассказать поподробнее, как тебе удалось создать этот артефакт и кто тебе в этом помогал?

По правде говоря, подросток до сих пор с неприязнью вспоминал период своего восстановления, но ведь ему необязательно углубляться в подробности, верно?

— Этим летом во мне пробудилась сила, и, чтобы взять её под контроль, целитель Смартинс предложил начать что-то мастерить. Он заметил у меня на тумбочке ворох разных ниток — я тогда увлёкся макраме, — и стал давать задания: например, думать во время плетения о каком-нибудь медицинском случае. Готовый браслет забирал, клал в подписанный мешочек и рассказывал о другом пациенте. В конце лета он принёс обрезки кожи, разные бусины и металлические вставки, сказав, что это — подарок от Королевской Клиники, в благодарность за помощь. Я решил изготовить себе амулет для защиты — ведь впервые уезжал так надолго, — но, когда закончил, почувствовал — артефакт не мой, и решил подарить его первому своему другу. Так он и попал к Диего.

— Невероятно! — воскликнула мадам Флаффи, склонная к полноте женщина с короткими рыжими пушистыми кудрями, то и дело выбивавшимися из-под лекарской шапочки. — У вас, Салли, очевидный талант целителя-артефактора. Его необходимо развивать. — И, обращаясь к колегам, заявила: — Я настаиваю: за все проступки назначать этому молодому человеку наказания в виде дежурств у меня в лазарете.

— Вот и договорились, — кивнул профессор Унгато. — С завтрашнего дня Вы на целую неделю поступаете в распоряжение мадам Флаффи с шести до восьми вечера по будням и с восьми утра до полудня — в выходные. Вы свободны.

Салли попрощался с профессорами и вышел за дверь, еле сдерживая ликующее выражение лица, готовое порушить весь воспитательный момент.

Друзья? - Суженые!

Одно слово порой меняет смысл сказанного...
Общее наблюдение

После недели дежурств в вотчине мадам Флаффи Салли ещё больше уверился: друзей необходимо защитить. Однако все его благие намерения пошли прахом, ибо аккурат на Праздника Урожая прадедушка огорошил подростка новостью.

«Здравствуй, внук! — писал он.

Несмотря на все наши предосторожности, старые семьи тебя вычислили, и у меня весь стол завален письмами с предложениями помолвки.

Предупреждаю, если к празднованию Смены Года у тебя не будет невесты, мне придётся выбирать из предложенного.

P.S. Салли, напоминаю, что помолвка (если договоришься сам) — ещё не брак, её всегда можно расторгнуть.

Любящий тебя дед, Освальд Штольц».

Сразу после завтрака Салливан отвёл Эмми в сторону и попросил о личном разговоре. Та, конечно, напряглась, но кивнула, и ребята, покинув Обеденный зал, вошли в ближайший класс.

— Ну, что же ты хотел мне сказать? — резко обернувшись, буркнула она. При этом её коса, описав широкую дугу, перекинулась через плечо.

Сердце паренька пропустило удар. Он покраснел до корней волос и опустил взгляд.

— Эмми, скажи: ты мне друг? — произнёс он, разглядывая свои ладони.

— Да, конечно.

— То есть, если я попрошу, ты мне не откажешь? — допытывался подросток.

— Нет… Салли, у тебя что-то случилось? Какие-то проблемы? Не молчи, пожалуйста!

Тот кисло усмехнулся:

— Проблемы — не то слово, я бы назвал это катастрофой. За завтраком я получил письмо от деда. Он пишет, что, если не выберу себе невесту до новолетия, — тут он всё же поднял взгляд на сокурсницу и боязливо посмотрел ей в глаза, — он займётся этим сам: магические семьи, прознав, что у Штольцев появился «неучтённый» наследник, — парень и сам не заметил, как сболтнул лишнего, — решили прибрать к рукам сей «бриллиант». Деда завалили брачными предложениями. Так вот — ты можешь стать моей невестой? Хотя бы на время обучения…

Девушка прыснула в кулачок…

— Это самое невероятное предложение помолвки, которое я слышала!

— Значит, это всё-таки «нет»… — отчаявшись, прошептал Салли.

— Это — «да», дуралей, — взлохматила ему волосы Эмми. — Разве я могу отказать такому выгодному жениху: не каждый день мне предлагают стать частью семьи Главного Лекаря Королевской Клиники.

Зелёные омуты Салли выражали искреннее удивление.

— Так ты знала?! — воскликнул он.

— Это все знают, глупый, — ответила та, не став «тыкать носом» друга в его беспечность. — Нозэр, прежде чем стать Штольцем, пять лет был Кринжем, так что несложно догадаться… Не дуйся. Кстати, а почему ты не предложил Касси, а? Мы же вроде как все вместе дружим…

— Кассандре? Ну уж нет… Она, конечно, классная девчонка, но, ради всех богов — она же видящая. Как по мне, это проклятие, а не дар — знать будущее наперёд и не иметь возможности что-либо изменить. Думаешь она из-за плохого зрения носит те жуткие очки с

толстыми линзами? Наоборот, она просто не хочет видеть чужие судьбы. Лично я своим детям желаю счастья.

С каждым словом Салли лицо девушки становилось всё серьёзнее.

— То есть, ты настроен серьёзно, если даже о детях подумал.

— Это что-то меняет? — Салли мысленно дал себе пинка за длинный язык, но подруга не разочаровала:

— Только не для меня — теперь я совершенно уверена: можешь писать деду, что договорился о помолвке. А чтобы всё было по-честному, дай мне руки и прими клятву.

Салли заключил её ладошки в свои и стал настороженно вслушиваться в слова.

— Я, княжна Емелиана Вазонская, даю своё согласие на брак с Салливаном Кринж-Штольцем.

От волнения девушка выпустила всего одно слово…

Глаза Гарри засияли, он подскочил к подруге и чмокнул её в уголок губ.

— Я люблю тебя, Емелиана Вазонская! — крикнул он. — Ты — самая лучшая!

Внезапно пару окружило белым сиянием, которое, рассеявшись, оставило на руках ребят серебряные помолвочные браслеты — парные к уже имевшимся концентраторам.

И тутже у них над головами зазвучал противный металлический голос:

— Студенты Кринж и Вазонская! Немедленно в кабинет директора!!!

— Ой! — хором воскликнули они.

* * *

Когда ребята прибыли, их уже ждали.

За директорским столом кроме самого Версена сидели Освальд и Нозэр Штольцы. Оба мрачнее тучи.

— Вызывали, директор? — робко спросил Салли, стараясь не поднимать глаз от ковра, дабы не столкнуться взглядом с рассерженными родственниками.

— Я же просил быть осторожным, — вымученно попенял ему Версен. — Что Вас понесло заключать помолвку, тем более магическую?

— Так ведь дед… — обиженный тон Салли не ушёл от внимания директора.

— Понятно. Вы испугались и решили заключить соглашение на своих условиях. Разумно. Но Вы-то, княжна, должны знать цену подобных клятв…

— Я произнесла стандартную формулировку, — ответила Эмми, — подобной мой род пользовался многие века. Всё было под контролем.

— А повторить общую формулу сможете? — задал вдруг вопрос Освальд.

— Пожалуйста, — с гордо вскинутым подбородком откликнулась девушка. — Я,(имярек) даю своё предварительное согласие на брак с (имярек жениха). Ой…

— Что-то не так? — прищурившись, спросил Главный лекарь.

— Я, кажется, выпустила одно слово…

— Что и требовалось доказать, — подал голос Нозэр.

— И что теперь? — как-то беспомощно спросила Эмми.

— Это Вы нам скажите, княжна, — горько усмехнулся мессир Штольц. — Всё же формулу составляли Ваши предки.

— Помолвку не разорвать?.. — и, виновато посмотрев на друга (возможно, уже бывшего), пролепетала: — Прости, я не нарочно…

Но тут в поток извинений вклинился резкий голос Версена:

— А Вы этого хотели бы?

— Что именно, директор? Простите, я не совсем понимаю…

— Разорвать помолвку, разумеется, — ответил тот с нескрываемой неприязнью.

— Нет, но…

— Тогда и говорить не о чем, — отрезал тот жёстко. — Живите, учитесь. И, Салли, ты теперь в ответе не только за себя. Подумай об этом. Всё, идите, мне ещё с вашим опекуном беседу проводить. О том что можно и чего категорически нельзя писать подростку. Свободны!

Уже в конце коридора ребят нагнал Нозэр.

Он хлопнул брата по плечу и глубокомысленно изрёк:

— Нет, я так и не понял: что вы сотворили такое, что оказались чуть ли не повенчаны, и даже согласия глав родов не потребовалось? — Он уже примерно знал, что услышит, но, посмеиваясь про себя, ждал ответа: ему до сих пор нравилось смущать младшего брата.

— Сначала Эмми назвала своё полное имя и выразила согласие выйти за меня замуж; я обрадовался и, чмокнув её, кажется, в щёку… — тут он по привычке скрестил за спиной пальцы, — сказал, что она — лучшая и я её люблю… Но я же по-дружески!

— Братец, ты — балбес: это же практически супружеские обеты! Теперь только смерть сможет вас разлучить, и то — не факт. Ладно, что сделано, то сделано. Совет вам да любовь!

П

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.